

Николай АНДРЕЕВ

МАРИОНЕТКА

Найди преступника раньше,
чем тот найдет тебя...

ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ

Любимый детектив

Николай Андреев

Марионетка

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6

Андреев Н. В.

Марионетка / Н. В. Андреев — «ВЕЧЕ», 2025 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-5315-1

В книгу известного мастера остросюжетного жанра Николая Андреева вошли два его детективных романа, главный герой которых — скромный поэт Василий Романов — постоянно попадает в непредвиденные опасные ситуации, но всегда умудряется выходить из них с минимальными потерями. В первом романе — «Марионетка» — он берется за литературную «шабашку»: пишет по черновику незнакомки рассказ о криминальных событиях, связанных с обвинениями друг против друга двух ОПГ. За автором начинается охота... Во втором — «Убейте прохожего!» — становится объектом нападения участников игры в «Морской бой», где полем сражения является город, а кораблями — ничего не подозревающие горожане...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-5315-1

© Андреев Н. В., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Марионетка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Владимирович Андреев
Марионетка
Сборник

* * *

© Андреев Н.В., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2025

Марионетка

Роман

11 февраля

Василий Романов – невысокого роста шуплый сорокалетний мужчина, одетый в черные мятые брюки и серый вязаный свитер, из-под ворота которого выглядывал узел небрежно повязанного галстука, не спеша подошел к окну. Сложил руки на груди и, раскачиваясь взад-вперед, принялся наблюдать за тем, как во дворе редакции литературного журнала «Родная речь», расположенного на первом этаже жилого дома, мальчишки гоняли шайбу.

– ...Скажи, ты же не хочешь, чтобы меня выгнали с работы, правильно? – Все то время, пока он смотрел в окно, Игорь Скобляков – редактор журнала, не переставал бубнить у него за спиной.

Романов бросил взгляд на малыша, завопившего от радости по поводу забитого гола, взял с подоконника журнал и медленно перелистал его.

– Ничего я, Игорь, не хочу... Мне одно непонятно. Вы из номера в номер печатаете всякую, извини меня за выражение, белиберду, и никого это не волнует. Но стоит мне что-нибудь принести, как вы тут же вспоминаете, для чего сюда приставлены. «...Недостаточность ассоциативных связей! Размытость образов! Отсутствие рифм!» – Романов забарабанил пальцами по столу. – Ты вообще-то, Игорек, в поэзии разбираешься или как? Раньше вроде разобрался.

Отодвинув от себя лежащую на столе рукопись, Скобляков зевнул.

– Разбираюсь. И поэтому еще раз скажу: многое из того, что ты принес, требует доработки. И потом... На днях Январский прислал свою новую поэму. Усёк?

– А то!

– Вот. Напечатаем ее, а затем, через пару-тройку номеров, глядишь, и до твоей подборки очередь дойдет. Если, конечно, уберешь оттуда все непристойности.

– Чего уберешь?

Бросив опасливый взгляд на Романова, Скобляков вынул из лежащей на краю стола папки отпечатанный лист бумаги и быстро пробежал его глазами.

– Ага... – нашел он нужное место. – Ну вот, взять хотя бы для примера твоего «Соловья»... Послушай!

Игорь наклонился над столом. Поправил очки и, сложив губы в саркастическую усмешку, громко прочитал:

*Только пью я – не пою,
не пишу.
Стал подобен соловью —
алкашу.
Эй, хозяйюшка! Налей-ка
винца!
Соловья ты пожалей,
подлеца.*

Скобляков поднял голову и укоризненно посмотрел на Романова.

– Ну что это такое? Вот только не надо мне говорить, что главное в литературе – не то, о чем пишешь, а то, как. Не надо! Все равно Калистратов не пропустит. И мне, чего доброго, от него попадет.

Произнеся с многозначительным видом имя главного редактора журнала и как бы тем самым заручившись его поддержкой, он развел руками, дескать, какой с меня спрос, и демонстративно уткнулся носом в лежащую на столе рукопись.

– Значит, не напечатаете? – спросил Романов.

Не поднимая глаз, Игорь Скобляков ответил: нет. Перевернул страницу и принялся деловито водить карандашом по строчкам текста.

– Тогда дай пятьсот рублей. Жить не на что.

– До полочки?

– До нее.

Не отрываясь от рукописи, Скобляков привстал со стула. Наклонился и достал из заднего кармана брюк деньги.

– На! – протянул Романову пятисотрублевую купюру. – Да, кстати! А когда у тебя полочка? Ты же говорил, нигде не работаешь?

Романов взял деньги. Направляясь к вешалке, сказал, что полочка у него будет тогда, когда в журнале «Родная речь» ему выплатят гонорар.

Скобляков вскочил со стула.

– Отдай мои деньги!

Романов остановился.

Спросил:

– В чем дело? Ты же сам только что сказал, что напечатаете меня сразу после Январского? Через два номера!

– Я сказал: отдай!

Романов удивленно пожал плечами. Постоял, подумал и, аккуратно расправив купюру, положил ее на редакторский стол.

– Вот, забирай. Только, ради бога, не плачь. Хорошо?

Он хотел сказать что-нибудь обидное, например, о том, что деньги портят людей, но вовремя спохватился, вспомнив, что Скобляков, который всю жизнь проработал в редакциях различных изданий, где оклады редакторов редко превышали заработки технического персонала, в деньгах нуждался едва ли не больше его самого.

– Ладно, Игорек, не обижайся. Просто совсем что-то в последнее время с деньгами туго стало. Думал, хоть аванс у вас выпрошу.

Романов огорченно махнул рукой. Снял с вешалки дубленку, шапку и, не попрощавшись, направился к выходу.

– Подожди!

Скобляков взял со стола отрывной календарь. Отыскал нужный листок и, оторвав его, протянул Романову.

На вопрос, что это, ответил: шабашка.

– Несколько дней назад Калистратов прислал ко мне одну кралю с просьбой помочь написать рассказ. Обещала хорошо заплатить.

– Что за рассказ?

– Да так. – Скобляков пожал плечами. – Обычная ерунда... Ты справишься.

Романов взял листок.

– Полина Петренко, – прочитал он. – Красивое имя.

– Сама она тоже ничего.

– А ты чего не напишешь?

Скобляков вышел из-за стола. Подошел к Романову и, поправив ему галстук, заметил, что такие рубашки вышли из моды еще в позапрошлом году. Потом вернулся на свое место и сказал, что стихи писать гораздо интереснее.

– К тому же не получается что-то у меня, Вася, с прозой. Понимаю, как надо писать, и как хорошо писать – тоже понимаю, а вот не могу. Вернее, могу, но не хорошо... В общем, некогда мне этими глупостями заниматься. – Скобляков взял со стола рукопись. Подержал ее на весу несколько секунд и бросил перед собой. – Заработаешь, бутылку-то поставишь?

Пообещав поставить две бутылки, Романов нахлобучил на уши норковую шапку. Помахал на прощание рукой и, не оборачиваясь, быстрым шагом вышел из кабинета.

Романов сидел в кресле перед выключенным телевизором и вспоминал разговор со Скобляковым. Спорил с ним, доказывал то, что не сумел доказать при встрече, извинялся за свое поведение и то и дело мысленно возвращался к тем дням, когда из преуспевающего поэта и бизнесмена превратился в мелкого попрошайку.

Он откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, прошептал:

– А ведь как всё замечательно начиналось...

Начало профессиональной карьеры Романова было в самом деле неплохим. Окончив университет с красным дипломом, он поступил в редакцию молодежной газеты, где несколько лет проработал с Игорем Скобляковым и Никитой Малявиным, ныне известным в городе тележурналистом – автором и ведущим передачи «Криминальный репортаж», выпустил сборник стихов и без проблем вступил в Союз писателей СССР. В начале перестройки, занявшись, как и многие из его друзей, бизнесом, открыл одно из первых в городе кооперативных кафе. Через год расширил бизнес, через два – купил машину, через три – большую квартиру в престижном районе города, и при этом ни разу ни перед кем не унижался. И только полгода назад, когда потерял всё, что может потерять бизнесмен, – дело, деньги, а следом за этим друзей и семью, – он понял: быть гордым и бедным, если ты не шотландец, невероятно сложно... Много позже, последовательно взвесив обстоятельства, приведшие к банкротству, Романов пришел к мысли, что главным виновником свалившихся на него неудач является он сам. Точнее, его категоричное нежелание, подобно своим многочисленным собратьям-бизнесменам, постоянно находиться среди людей, заводить и поддерживать нужные знакомства, отвечать на бесконечные телефонные звонки, пить, посещать всевозможные деловые ужины, нередко переходящие в неделовые завтраки, снова пить – и при этом не забывать о деле, ради которого изо дня в день мучаешь себя. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при таком ведении дел у него вскоре появились конкуренты, стараниями которых цены в самый неподходящий момент пошли вниз, а проценты по взятым кредитам – вверх. Романов поначалу сопротивлялся, но вскоре осознал: если он не хочет до конца своих дней прятаться от милиции с бандитами, надо продавать бизнес, пока еще есть что продавать, и срочно рассчитываться с кредиторами.

Разобравшись с вопросом «Кто виноват?», Романов загрустил, ибо со вторым русским вопросом «Что делать?» было всё предельно ясно – делать было нечего. Нечего, потому что ничего делать в свои сорок лет, как оказалось, он толком не умел. Журналист из него не получился, бизнесмен тоже, вот и получается, что единственным делом, в котором он считал себя специалистом, была поэзия и водка.

Но и тут всё обстояло не так, как бы хотелось. А точнее, совсем не так.

Выросший в семье интеллигентов, где слова «Россия», «духовность», «идея» звучали значительно чаще, чем «магазин», «очередь», «деньги», где родители могли часами напролет цитировать Пушкина и не могли запомнить цены, если они состояли более чем из трех цифр, Романов откровенно стеснялся своей работы и при малейшей возможности старался показать, что не бизнес – поэзия является его настоящим призванием. И вот теперь, после того как Скобляков, к чьему мнению он прислушивался, посчитал его стихи недостаточно хорошими для того, чтобы быть опубликованными в журнале, Романову показалось, будто ему плюнули в душу, а заодно лишили, казалось бы, гарантированного куска хлеба.

Правда, оставалась еще водка, но и тут его ждало разочарование.

Позвенева в кармане мелочью, он понял, что для пьянки у него не хватает капитала, и окончательно загрустил. Не зная, чем заняться, встал с кресла, вытащил листок календаря, еще раз прочитал то, что было написано на нем, и позвонил.

Ему ответил мягкий спокойный женский голос.

Разволновавшись, Романов довольно сумбурно, как ему показалось, объяснил цель своего звонка. Однако Полина Петренко, ответившая на звонок, с первых слов поняла, о чем идет речь. Внимательно выслушала его и после нескольких вежливых фраз назначила встречу на следующее утро.

12 февраля

Полина пришла раньше, чем обещала. Скинув с плеч легкую длинную шубку, вышла в сопровождении Романова на середину зала и, приподнявшись на цыпочки, с интересом осмотрелась по сторонам.

Тонкая, высокая, чуть выше хозяина квартиры, яркая блондинка, она была одета в серые облегающие бедра брюки и тонкий вязаный свитер.

Приглядевшись, Романов дал ей двадцать пять лет. Поговорил немного и дал тридцать. Еще поговорил и пришел к окончательному выводу о том, что его гостье никак не меньше тридцати пяти.

«А впрочем, – подумал он, – всё это ерунда! Главное не то, сколько ей на самом деле, а то, что принадлежит она к той редкой породе женщин, которые, достигнув определенного возраста, живут согласно придуманному ими летоисчислению и небезуспешно соответствуют ему. Поэтому, какая бы дата рождения ни стояла у таких женщин в паспорте, им еще многие годы будут давать двадцать пять».

Несмотря на скромную одежду, Петренко не производила впечатления человека, привыкшего экономить в магазинах мод. И может быть, поэтому Романову стало необыкновенно приятно от мысли о том, что на встречу с ним она оделась именно так: по-свойски, без дорогих изысков, просто и со вкусом.

Закончив осмотр комнаты, Полина остановила свой взгляд на хозяине.

– Хорошая квартира, – улыбнулась ему. – Сколько комнат?

– Четыре.

– Один живете?

– Что, заметно?

Полина пожала плечами и еще раз улыбнулась.

Романов понимающе кивнул, дескать, сам знаю, что заметно, можно не отвечать, и указал рукой на кресло. Дождался, когда она сядет, и, подтянув на коленях брюки, уселся на диван.

Спросил, чем он может помочь.

Полина задумалась.

– Не знаю, с чего и начать...

– Начните с начала.

– Хорошо! Видите ли, Василий...

– Сергеевич.

– Да... Видите ли, Василий Сергеевич. Есть у меня один хороший друг. И мы с ним тут недавно поспорили...

Она извинилась. Вытащила из сумочки носовой платок и приложила к носу.

Пока Полина приводила себя в порядок, Романов глядел на нее и откровенно любовался. Всё в ней ему нравилось. И то, как она вела себя – предельно просто и вместе с тем вежливо, и то, как она, пытаясь объяснить цель своего визита, волновалась, но больше всего ему нравилось в ней то, что она, красивая и, видимо, небедная женщина, всеми силами старалась завоевать его расположение.

– Если можно, расскажите поподробнее, – попросил он. – Не стесняйтесь.

Полина благодарно улыбнулась и перешла на деловой тон.

– Хорошо. Как я уже говорила, у меня есть близкий друг, чьей дружбой я очень дорожу. Поэтому я всегда, в любой ситуации, стараюсь не только производить на него благоприятное впечатление, но и по возможности не разочаровывать в мелочах... Вы меня понимаете?

Романов молча кивнул.

– Но недавно случилось так, что я... как бы вам сказать... несколько переоценила свои возможности. Я поспорила с ним, что смогу не только написать небольшой рассказ, но даже опубликовать его в каком-нибудь приличном журнале. А он, представьте себе, возьми да согласишься! Я, конечно, старалась как могла, но... – Полина беспомощно развела руками, – оказалось: написать рассказ совсем не то же, что сочинение в школе! Вы представляете?

Романов представлял.

– Ну вот! – неизвестно чему обрадовалась Полина. – А срок пари истекает меньше чем через два месяца. В апреле.

– Вы хотите, чтобы я написал за вас рассказ? – спросил Романов.

– Да. Если можно.

– И чтобы авторство этого рассказа принадлежало вам?

– Естественно.

Встав с дивана, Романов молча прошелся по комнате.

– Ну что ж... В общем-то я не против. Но хочу предупредить сразу: это не так просто, как вам, может быть, кажется.

– Почему? – спросила Полина. – Ах да, это! Я вам, разумеется, хорошо заплачу! Сколько?

– Я о другом, – поморщился Романов. – Написать рассказ, чтоб вы знали, – полдела. Надо чтобы его еще и издали. Ведь, если я вас правильно понял, именно это является главным условием пари?

– А в чем, собственно, проблема? Ведь вы, как мне сказали, член Союза писателей! Поэт!

– Ну и что с того, что член Союза! Это, знаете ли, не гарантия того, что тебя все будут печатать. Тем более что вкусы нынешних редакторов совершенно непонятные. Кому-то могут не понравиться ассоциативные связи, у кого-то появятся претензии к раскрытию образа героя второго плана, а кому-то может просто не приглянуться твоя новая рубашка. – Романов сел на место и поправил воротник. – Скажу вам больше, бывали случаи, когда писатели становились всемирно известными благодаря своим произведениям, которые до этого отвергли десятки издателей и...

– И кто решает эти вопросы в журнале «Родная речь?» – перебила Полина.

– Ну, – задумался Романов, – Калистратов решает, Скобляков...

– Калистратов – это тот, который главный редактор?

– Да.

Полина на секунду задумалась.

– В таком случае... я думаю, проблем у нас не будет.

– Откуда такая уверенность? Вы что, знакомы с ним?

– Да. То есть нет... У меня есть друзья, которые с ним в хороших отношениях.

И без того плохое настроение Романова окончательно испортилось.

«Вот ведь я, приличный поэт, – думал он, поглядывая на Полину, которую, как ему казалось, распирало от сознания принадлежности к классу людей, для которых нет ничего невозможного в этом мире, – не могу издать десяток своих стихотворений. Может быть, не столь хороших, как у Январского, но тоже неплохих, а между тем эта краля, похоже, даже не сомневается в том, что всё, что она ни принесет в журнал, будет немедленно напечатано... Хозяйка жизни, блин».

– Ладно! – хлопнул себя по коленям. – Что вы хотите, чтобы я вам написал? Историю несчастной любви, рассказ о вашем трудном детстве или...

– Триллер!

– Триллер? – Романов с удивлением посмотрел на Полину. – Почему именно триллер?

– Просто так. Хочется.

Романов перевел задумчивый взгляд на книжный шкаф, где среди книг его любимых поэтов золотого века где-то завалился томик Чейза.

Спросил, о чем должен быть триллер:

– О ментах?

– Нет! – Полина повернулась к нему и быстро заговорила: – Сюжет я уже придумала. И даже записала. Вот послушайте! – Она вытащила из сумочки исписанные мелким почерком листы бумаги и принялась с выражением читать: – Журналист одной газеты, назовите его как хотите, получив гонорар, пришел вечером в ресторан «Вечерние огни», где случайно встретил своего бывшего одноклассника Юру Головина. Они вспомнили молодость. Головин рассказал журналисту, что работает водителем у криминального авторитета Тяжа, который в это же самое время сидел в отдельном кабинете с другим авторитетом – Самсоном – и выяснял отношения...

Романов встал. Прошел к окну, отодвинул занавеску и выглянул во двор. На дворе было холодно и вьюжно.

– Был я в кабаке с таким названием, – произнес он задумчивым голосом. – Был... А скажите, не много ли авторитетов на один квадратный дециметр текста? Как вы считаете?

Полина вспыхнула. Покраснела, потом, тщательно подбирая слова, тихо произнесла:

– Василий Сергеевич, давайте договоримся сразу. Если вы успеете написать рассказ к сроку, я заплачу вам пятьсот долларов. Ровно пятьсот! Но за это, пожалуйста, пообещайте мне, что сразу после того, как я заберу рассказ, вы забудете о нем. И еще. Вы должны строго следовать сюжету и не спорить со мной. Даже по пустякам... Договорились?

Подождав, когда Романов обдумает выдвинутые условия, Полина снова улыбнулась. Стараясь не быть чересчур ехидной, спросила, не многого ли она требует от него.

Романов молчал. То и дело путаясь в цифрах, он переводил доллары в рубли и прикидывал, на какой срок ему хватит этих денег. По самым скромным расчетам выходило, что если не шиковать – месяца на два, на три, а если при этом разумно экономить – больше.

– Если я вас правильно понял, это должен быть короткий рассказ?

– Да, небольшой.

– Ну что ж! – согласился Романов. – В конце концов, что бы там эстеты ни говорили, но главное в литературе – не то, о чем пишешь, а то, как.

Он весело рассмеялся и предложил Полине перейти на кухню.

Ему было хорошо. За чаем, слушая вполуха дурацкий рассказ о том, как один большой жулик украл у другого большего жулика большие деньги, Романов думал о Полине. Ему казалось, что он знаком с нею уже тысячу лет, и потому была какая-то, на его взгляд, дикая несправедливость в том, что они всё еще не настолько близки между собой, чтобы она в разговоре с кем-то другим могла случайно обронить: «У меня есть близкий друг... Его зовут Василий».

* * *

Несмотря на то что давно стемнело, Романов продолжал сидеть на диване и смотреть в черный экран телевизора.

«Везет же некоторым! – думал он о Полине. – Один хороший друг ее одевает, другой – пишет рассказы, третий – печатает их в журнале, а она ходит от одного к другому, собирает дань и улыбается».

Вспомнив об обещанном гонораре, Романов нехотя встал с дивана. Сел за письменный стол, включил настольную лампу, достал из ящика чистый лист бумаги, вставил его в пишущую машинку и после длительного раздумья написал первую строчку:

«Журналист Александр Матвеев, как и большинство нормальных журналистов, часть гонорара обычно пропивал».

Дважды перечитал фразу, поморщился. Хотел зачеркнуть, однако, подумав, решил: сойдет и так – и принялся писать дальше.

«Получив в бухгалтерии деньги, он вышел из здания редакции. Постоял возле подъезда, покурил и направился пешком в ресторан „Вечерние огни“ – единственное питейное заведение города, в котором еще не бывал...»

Романов писал всю ночь. Он настолько увлекся этим занятием, что не заметил, как наступило утро. Оторвав голову от стола, поглядел в сторону окна и выключил ставшую ненужной лампу. Встал, несколько раз присел, разминая затекшие ноги, и после некоторого раздумья отправился спать.

Однако сразу заснуть не удалось. Написанные за ночь фразы, не давая расслабиться, продолжали крутиться в голове и слагаться в придуманный Полиной сюжет...

«В ресторане было сумрачно. Двигаясь в поисках свободного столика, Матвеев увидел в углу зала своего школьного товарища Юру Головина. Юра сидел один и грустно глядел на сцену, где полуголые танцовщицы азартно отплясывали ламбаду.

– Привет, Башика! – перекрикивая звуки музыки, радостно воскликнул Матвеев.

Головин недовольно поднял голову. Узнав в атлетично сложенном сорокалетнем мужчине своего бывшего одноклассника, вскочил на ноги и, улыбаясь во весь рот, стиснул Матвеева в своих объятиях.

– Глазам своим не верю! Ты ли это, Санек?

– Я.

– А так сразу и не узнаешь! Хорошо выглядишь, чертяка!

– Ты тоже.

– А... – махнул рукой Головин. – Бывало и лучше.

Пригласив Матвеева за стол, Юра наполнил рюмки.

На радостях они выпили одну рюмку, вторую, третью... Головин захмелел. Оперевшись на спинку стула, он посмотрел на Матвеева и громко рассмеялся.

– Ну, рассказывай, Санек. Как живешь, где, с кем... А я, если хочешь знать, живу с твоей бывшей подружкой.

– С Ириной Каюмовой?

– Не забыл еще, как звать-то ее, а?

Матвеев не забыл. Он вынул сигареты, посмотрел на сцену, где танцовщицы поочередно исполняли танец живота, и перевел взгляд на Головина.

– Ну а ты как живешь? – меняя тему разговора, спросил он. – В смысле – не с кем, это я уже понял, а в смысле – чем. Чем занимаешься?

Головин приложил к губам указательный палец.

– Тсс! – зашипел он. – Ты про Тяжа что-нибудь слыхал?

Матвеев, тоже слегка опьяневший, отрицательно покачал головой.

– Ну! – неодобрительно загудел Юрка. – Это же та-а-акой авторитет!

Александр пренебрежительно махнул рукой.

– Я тоже у себя в редакции авторитет. И что? Спроси здесь, в ресторане, знает ли кто Матвеева? – Матвеев покачал указательным пальцем. – Скажут: не знаем мы такого и знать не хотим. Давай выпьем!

– погоди. – Головин отстранил протянутую ему рюмку. – Тебе про белогорских что-нибудь известно?

– Это про тех, кто бандиты?

Головин усмехнулся.

– Пусть будут бандиты. Так вот, Тяж там самый главный. А я у него водила... Катаю его на „Мерседесе“. Понял?

Матвеев с удивлением посмотрел на Юру Головина. Расстроено покачал головой.

– Так ты, Башка, в криминал подался?

– Давай выпьем! – Головин опрокинул в себя полную рюмку и, внимательно посмотрев на Александра, усмехнулся. – Так ведь, милый, не только известным журналистам по дорогим кабакам шастать хочется.

В этот момент к их столику подошел хорошо одетый длинноволосый, солидный мужчина лет пятидесяти. Он поманил Головина пальцем и тут же, не дожидаясь, когда тот встанет из-за стола, направился в сторону фойе.

Головин вскочил и поспешил за ним.

Назад он вернулся минут через пять. Вытерев пот со лба, залпом выпил рюмку. Растегнул верхнюю пуговицу рубашки и свободно вздохнул.

– Знаешь, кто это? – спросил Матвеева. – Самсон! В миру – Петраков Сергей Захарович.

– Самсон? – задумался Александр. – Кажется, я где-то уже слышал это имя. Это вроде тоже какой-то бандит, да?

– Ну уж он-то точно не бандит, – возразил Головин. – Может, и был им когда-то в молодости... то есть точно был, а сейчас, запомни, это уважаемый в городе бизнесмен. Ему, кстати, этот кабак принадлежит.

Матвеев задумался.

– Да, да, припоминаю, наша газета что-то писала об этом. Сначала ресторан „Вечерние огни“ вроде принадлежал какому-то бедолаге... не помню, как его звали. Потом при загадочных обстоятельствах бедолага погиб, а кабак перешел в собственность фирмы, фактическим владельцем которой являлся бизнесмен то ли с тремя, то ли с четырьмя судимостями... Смотри-ка ты! – удивился он, поворачиваясь вслед ушедшему Самсону. – А по его виду и не скажешь.

– Так ведь тюрьмы, этапы, лагеря – всё в прошлом. Теперь это уважаемый в обществе человек, меценат. Кстати, не удивлюсь, если окажется, что он единственный в городе бизнесмен, кто исправно платит налоги с легального бизнеса.

– А что, – спросил Александр, – есть еще нелегальный?

Головин удивленно посмотрел на него.

– А для чего, по-твоему, он кормит такую ораву бойцов... Но тсс-с... – Юра еще раз приложил указательный палец к губам. – Что-то я слишком разболтался... Да еще перед журналилкой.

– Да ладно, тебе, Башка, – обиделся Матвеев, – ты же знаешь, я на эти темы не пишу... И вообще, если хочешь молчать, давай будем молчать. Но только не выёживайся ради бога! Я тебя прошу!

Головин рассмеялся. Взяв в руки графин, налил в знак примирения Александру водки чуть больше, чем себе, и предложил выпить.

Теперь уже Матвеев отстранил протянутую рюмку. Спросил, чего Самсону от него надо.

Головин задумчиво посмотрел по сторонам, словно решая, стоит ли говорить об этом, потом показал взглядом на ширмы, отделяющие кабинеты от общего зала, и прошептал:

– Тут между Тяжем и Самсоном непонятки возникли... Решить им кое-что между собой надо. Вон там они сидят.

– Ты давай не увливай, – продолжал настаивать Матвеев. – От тебя-то чего ему надо... Ты, водила с Нижнего Тагила?

Головин хитро усмехнулся.

– Я так думаю, что они там у себя решили выкурить трубку мира.

– А ты здесь при чем?

– А при том, что я им сейчас табачок подбросил.

– Какой табачок? – не понял Матвеев.

– Травку.

Матвеев ахнул:

– Так ты, Башка, еще к тому же и барыга?

Головин нахмурился. Взяв графин, он осмотрел его и поставил обратно на стол.

– Никакой я не барыга. А впрочем, всё, проехали! Давай тяпнем по последней и будем на девочек смотреть... Гляди, какие красавицы!

Они выпили, а после молча уставились на сцену, где ансамбль из шести танцовщиц исполнял канкан.

Захмелевший Матвеев во все глаза глядел на сцену и не мог понять, что это такое: танец или стриптиз. Почти обнаженные девицы одного роста, с одинаковыми прическами и цветом волос высоко задирали ноги, громко визжали и то и дело показывали публике голые задницы.

– Ну как, нравится? Ничего девочки? – Головин толкнул локтем Матвеева. – Хочешь, познакомлю?

– Ага, – засмеялся Александр, – вон с той, второй справа от тебя.

– Это с той, что ли? – Головин указал пальцем на одну из танцовщиц. – Не угадал. Давай дальше.

– Это почему не угадал? – не согласился Матвеев. – Хочу ее!

– Боюсь, дорого она тебе обойдется. Это, чтоб ты знал и не дергался, Наденька Кислицына – подруга Самсона.

– Понял. Виноват. Большие не повторится. – Матвеев приложил ладонь к правому виску. – Позвольте еще одну попытку?

– Валяй!

– Тогда хочу вон ту, крайнюю, рядом с Наденькой.

Головин нахмурился и отрицательно покачал головой:

– Давай дальше!

– А это еще почему?

– А потому, что Оксана Марфина – подруга одного моего кореша, можно даже сказать, брата. Кстати, у нее сегодня первое выступление.

– Дебют?

– Ага, он самый! Ее кореш откуда-то с юга привез и сразу сюда устроил. Хорошая девочка!

– А твой кореш-брат на одну ночь, часом, не подвинется?

Головин удивленно посмотрел на Матвеева.

– Ну ты и наглец! – рассмеялся он. – Не дай тебе бог столкнуться с ним. Страшный человек.

Канкан закончился. Танцовщицы, одна за другой, спустились со сцены и скрылись за боковой дверью. В ту же секунду, отодвинув ширму, из кабинета вышел Самсон и прошел вслед за ними.

Не успели Головин и Матвеев обсудить достоинства и недостатки понравившихся танцовщиц, как из боковой двери снова появился Самсон. В сопровождении переодетых в вечерние костюмы Нади Кислицыной и Оксаны Марфиной он прошел через зал и скрылся в кабинете, из которого вышел несколькими минутами ранее.

Головин выругался.

– Ты чего? – удивленно посмотрел на него Матвеев.

– Ничего! Просто Тяж с Самсоном, кажись, настроились с девочками повеселиться!

– А тебе всю ночь их в машине ждать! Ну-ну.

Матвеев засмеялся. Посоветовав Головину идти работать на завод, подвинул к себе тарелку с овощным салатом и взялся за вилку.

Через полчаса Самсон появился еще раз. С озабоченным видом быстрым шагом прошагал до боковой двери и скрылся за ней.

А буквально через несколько минут в ресторан ворвался отряд ОМОНа.

Опрокидывая попадавшиеся на пути стулья, бойцы первым делом бросились в кабинеты. Затем обследовали подсобные помещения и только после этого принялись проверять документы у тех, кто находился в общем зале.

Показывая свое удостоверение и отвечая на вопросы омоновцев, Матвеев краем глаза успел заметить, как из кабинета, откуда только что вышел Самсон, выволокли, заломив руки за спину, какого-то здорового парня.

– Тяж! – глядя на здоровяка, прошептал одними губами Головин и низко опустил голову».

27 февраля

На этот раз Полина была в длинной шерстяной юбке и изящной кофточке. Она вышла на середину комнаты и, приподнявшись на цыпочки, с интересом осмотрелась по сторонам.

Отметив, что ничего с момента ее последнего прихода не изменилось, она перевела взгляд на Романова и, капризно сжав губы, попросила не томить.

– Ну, показывайте же, я жду!

Растягивая удовольствие от встречи, Романов нарочито неспешно сел на диван.

– Как ваше здоровье? Как дела? – посмотрев Полине прямо в лицо, поинтересовался он. – А у меня всё хорошо, спасибо.

– Ой, извините! Скажите, как ваши дела? – воскликнула Полина. И тут же засмеялась, поняв, что задала вопрос, ответ на который уже прозвучал.

Романов довольно кивнул. Положил ногу на ногу и задал еще один вопрос:

– Почему вы всё время улыбаетесь?

Полина на мгновение задумалась. Пожала плечами и, сцепив руки за спиной, медленно прошлась по комнате.

– Не знаю... Наверное, оттого, что я долгое время занималась танцами. В ансамбле от нас постоянно требовали улыбаться даже во время репетиций. Вот, видимо, с тех пор улыбка ко мне и приклеилась.

– Понятно, – вздохнул Романов.

Тяжело встав с дивана, он поправил брюки. Сказал, кивнув на стол, что рукопись в папке.

Полина быстро подошла к столу. Вытащила из бумажной папки отпечатанные листы и, сев на стул, принялась за чтение.

Романов подошел к окну. Скрестил руки на груди и, раскачиваясь взад-вперед, принялся наблюдать за тем, как во дворе дома мальчишки играли в хоккей.

Романов не любил хоккей. И тем не менее, наблюдая за ходом бестолковой, по его мнению, игры, он пришел к мысли о том, что в будущем любого человека нет ничего такого, ради чего стоило бы торопиться взрослеть, поскольку взрослость – не что иное, как время несбывшихся детских надежд.

С этой мыслью Романов задернул занавеску. Отошел от окна и, встав у Полины за спиной, спросил:

– Ну как, много прочитали?

Полина подняла голову. С любопытством посмотрев на него, спросила, за что он не любит танцовщиц.

– Кто не любит? – удивился Романов. – Я?

– Ну да! Иначе, я думаю, вы бы не написали... – она наклонилась над рукописью и, отыскав глазами нужное место, процитировала: – «Захмелевший Матвеев во все глаза глядел на сцену и не мог понять, что это такое: танец или стриптиз. Почти обнаженные девицы с одинаковыми прическами и цветом волос высоко задирали ноги, громко визжали и то и дело показывали публике голые...». Ну что это, в самом деле?

– А что, вы считаете, этих девиц можно назвать танцовщицами?

– Конечно! – горячо произнесла Полина. – Возьмите, к примеру, Бориса Моисеева. Его тоже трудно назвать танцором в классическом понимании этого слова, однако, скажите, у кого повернется язык утверждать, что его шоу не являются искусством?

– У меня повернется! По-моему, его танцы хороши лишь тем, что во время их исполнения он не поет. Шучу, конечно. Но если говорить серьезно, для меня разница между профессиональным танцором и вашим Моисеевым такая же, как между начинающим музыкантом, срывающим овации после исполнения красивой пьески, и маэстро-виртуозом.

Полина выпрямилась и, поджав губы, обиженно произнесла:

– Вы рассуждаете как дилетант! Я полжизни танцевала... Да что там я! Я знаю людей – танцоров от Бога, которые отдали бы душу только за то, чтобы достичь половины того, чего добился Моисеев... Это большой артист! Что же касается танцовщиц варьете, то у каждой из них за плечами профессиональная подготовка и богатый опыт выступлений на сцене. Кроме того, все они выдержали большой конкурс...

– У кого ноги длиннее.

– Да! Представьте себе, и это тоже! Кроме мастерства, они, между прочим, еще должны соответствовать определенным стандартам.

– Каким?

– Быть не маленькими, то есть не ниже ста семидесяти пяти сантиметров, и одновременно не очень высокими.

– Ага, – задумался Романов, – дайте-ка, я тут исправлю.

Он взял из рук Полины рукопись и после слов «почти обнаженные девицы» вставил фразу: «одного роста».

– Так, что у нас получилось? – пробормотал он, внося изменение в текст. «Почти обнаженные девицы одного роста, с одинаковыми прическами и цветом волос высоко задирали ноги», ну и так далее.

– Да, кстати! – внезапно вспомнила Полина. – Почему у вас в рассказе Юра Головин пьет?

– А почему бы ему не пить?

– Ну как же? Он же за рулем.

Романов пренебрежительно махнул рукой. Сказал, что за десять лет, что водит машину, еще ни разу не встречал водителя «Мерседеса» абсолютно трезвым.

Полина хотела возразить, но передумала:

– Впрочем, это не принципиально.

Романов согласился: да, не принципиально. После чего отложил рукопись в сторону и предложил гостье чай.

Сев за кухонный стол, Полина снова взялась за рукопись. Прочитала несколько строчек и, отложив ее в сторону, пожаловалась на плохое освещение.

– Ничего не разберу!

– Давайте я сам. – Романов вытер руки кухонным полотенцем и, отодвинув табурет, сел рядом. – На каком месте вы остановились?

– На том, где омовцы арестовали Тяжа.

Романов взял рукопись. Смахнул с листа попавшую под руки крошку и, набрав в рот воздуха, принялся за чтение.

«Прошло около двух лет.

Просидев три часа в мэрии на заседании комиссии по подготовке празднования Перво-мая, Матвеев вышел на остановку. Не успел он поднять руку, чтобы остановить проезжавшее мимо такси, как перед ним, сделав крутой поворот, притормозил черный „Мерседес“ с тремя шестерками на регистрационном номере. Из кресла водителя вылез Юрий Головин. Не обращая внимания на притихшую при его появлении толпу пассажиров, он с серьезным лицом обошел машину, открыл перед Матвеевым боковую дверь и, согнувшись в легком поклоне, произнес:

– Извините за опоздание, сэр. Прошу вас, сэр.

– Спасибо, бой.

Сделав замечание Головину за грязное пятнышко на лобовом стекле, Матвеев сел на переднее сиденье и громко, так, чтобы все услышали, приказал отвезти себя в Матвеев-хаус.

– Слушаюсь, сэр. – Головин захлопнул за Матвеевым дверцу, смахнул рукавом куртки пятнышко на стекле и сел за руль.

– Ох, кто-то у меня сейчас получит, фейсом об кар, сэр! – сказал он, заводя двигатель автомобиля.

– У меня другое предложение! – ответил Матвеев. – Давай-ка поедem сейчас ко мне домой, и там быстренько напьемся... Как тебе такая идея?

Юра подумал и отказался:

– Извини, старик. Предложение действительно заманчивое, вот только дел у меня нев-проворот.

– Что так?

– Да накопилось всего – не разгрести... Через неделю Тяж откинется, надо ехать встречать. А тут, как назло, с двигателем проблемы. Да и с похоронами попросили помочь. В общем, совсем зашился. Давай как-нибудь в другой раз.

– Ну что ж, давай в другой раз, – согласился Матвеев. – А кто помер-то?

– Да, – Юра махнул рукой, – у одного моего кореша, можно сказать брата, подругу замочили. Представляешь, прямо в собственной квартире. Так изуродовали, жуть! Меня, когда я это увидел, чуть не стошнило.

– Это Оксану, что ли? Как ее фамилия-то? – наморщив лоб, Матвеев вопросительно посмотрел на Головина.

– Марфина. А ты откуда ее знаешь?

– Здрасьте! Она же в кабаке тогда танцевала, когда нам вечер менты обломали. Забыл?

– Ах да! – вспомнил Юрка. – Было такое дело.

– Кстати, чем там с Тяжем дело-то закончилось?

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Да ты что? Ну... – загудел Юрка. – Короче, слушай... Менты, когда шмонали Тяжа, нашли у него в куртке бокс, то есть коробок анаши. И впаяли ему, болезному, за это почти два года. Прикинь!

– Ничего себе!

– А что самое интересное, знаешь? – Юра сделал паузу и с усмешкой посмотрел на Матвеева. – Тяж клялся, что еще за пять минут до появления ментов у него в куртке ничего, кроме презервативов, не было.

– Да ты что! – ахнул Матвеев. – Менты подкинули?

Головин задумчиво пожал плечами.

– Может, и они, а может... – он сделал многозначительную паузу, – не они.

– Не понял! Кто тогда?

Юра бросил на Матвеева быстрый взгляд.

– Помнишь, ко мне в тот вечер Самсон подходил?

– Ну. Он у тебя тогда еще травку стрельнул.

– Точно... Так вот, я всё думаю, не ее ли нашли тогда у Тяжа?

– А... – Матвеев хотел было что-то сказать, но тут до него дошел смысл фразы, сказанной Головиным, и он тотчас забыл свою мысль.

– Вот такие, блин, пироги с котятами! – подытожил Головин. – Их едят – они пищат.

– А... а Тяж об этом знает?

Юрка отрицательно покачал головой.

– В этом-то вся проблема... Понимаешь, если, не дай бог, он разнохает, что травку ему подбросил Самсон, я не отмажусь до конца своих дней. Точно тебе говорю! Посуди сам – травка-то моя. Как я докажу Тяжу, что не знал, для чего она предназначалась?

– Тогда не говори ему ничего.

– Не говори, – усмехнулся Юрка. – Тяж уже через неделю будет в городе, и я представляю, какой тут шумон начнется. Помяни мое слово, он всех на уши поставит, только чтобы докопаться до того, кто его подставил. И не дай бог, если узнает, как к Самсону попала анаша! Всё, братан, мне крышка.

– Тогда скажи.

– А скажешь – как докажешь, что ты тут ни при чем?.. Словом, куда ни кинь – встуду клин.

Остановив „Мерседес“ у подъезда пятиэтажного дома, где жил Матвеев, Головин, широко растопырив пальцы, протянул Матвееву ладонь.

– Ладно, война план покажет, – сказал он бодрым голосом. – Нечего раньше времени сопли распускать. Правильно я говорю?

– Правильно!

– Я тоже так думаю! Будем живы – не помрем, как говорится! Ну ладно, будь здоров, веди себя хорошо!

– Постараюсь.

– Давай!

Пожелав Головину удачи, Матвеев пожал ему руку и вышел.

Не успел он сделать и пяти шагов, как его окликнул вышедший вслед за ним из автомобиля Головин.

– У меня к тебе, Санек, вот еще что...

– Говори.

Головин подошел к нему.

– Если со мной вдруг что случится, – прошептал на ухо, – ты это... Ирке помоги, ладно?

– Да ты чего, Башка? – возмутился Матвеев.

– Подожди, не бухти! Слушай меня внимательно... Она передаст тебе одну вещь. Дорогую. Получи за нее бабки и половину отдай Ирке. Другую половину можешь оставить себе. Договорились? Только смотри, меньше чем за двадцать тысяч баксов не соглашайся. Понял?

– Ты чего, Башка?

Головин развел руками:

– Чего не чего, а два человека, связанных с арестом Тяжа, уже того... тью-тью!

Матвеев удивленно заморгал.

– Брось, не шути!

– Вот те и брось! Марфину замочили? Замочили! Ты что, думаешь, она сама себя изуродовала, что ли? А еще, чтоб ты знал, в тот же день Надька Кислицына пропала. Весь город

два дня ее искал. Прикинь: воры не воровали, грабители не грабили, хулиганы не хулиганили потому, что некогда было – все искали подругу Самсона... Комедь!

– Ни фиги себе! Ну да, правильно! Они же тогда с Тяжем за одним столом сидели, когда его менты вязали!

– Теперь понимаешь? Выходит, надо и мне быть готовым ко всему. – Юрка хлопнул Матвеева по плечу. – Ну что, поможешь, в случае чего?

– Конечно. А как ты думаешь, кто это их, а?

Юрка взял Матвеева за пуговицу плаща и зашептал в самое ухо:

– Либо Самсон, либо Тяж. Большие некому!

– Почему?

– По кочану. Если Тяжа подставил Самсон, то Самсону надо обязательно убирать свидетелей, то есть Надьку, Оксану и меня. Так?

– Так.

– А теперь представь, что Тяж на зоне узнал, кто именно ему подкинул травку. Тогда что?

– Тогда, надо полагать, он прикажет убить тех, кто это сделал.

– Правильно! – прошептал Юрка. – И опять, заметь, все тех же: Надьку и Оксану.

– Ты думаешь, это они?

Продолжая держаться за пуговицу плаща, Головин пожал плечами:

– А кто еще? По крайней мере, Надька, если бы Самсон приказал ей, сделала бы это точно. Да он и сам мог... Ты обратил внимание на то, как Самсон буквально за несколько минут до облавы выскочил из кабинета? Как ошпаренный! Будто знал, что случится.

– Да, обратил, – ответил Матвеев. – А за что он Тяжа-то так?

Головин пропустил женщину, вышедшую из подъезда. Дождавшись, когда та удалится на приличное расстояние, прошептал:

– Только, Санек, никому! Понял?

– Могила!

– Тяж хапнул у Самсона триста тысяч баксов. Вот.

– Ни фиги себе!

– Только я прошу тебя...

– Всё, Юр, я понял, не повторяй.

– Ну и хорошо, что понял.

Неохотно, с таким видом, будто расстается с дорогой вещью, Головин отпустил пуговицу плаща. Тяжело вздохнув, погладил ее:

– Ладно, прощаться не будем. Уже и так два раза прощались. – Он отошел в сторону и погрозил Матвееву пальцем. – Смотри, обещанье не забудь!

– Не забуду! – пообещал тот. – А ты, как немного освободишься, приезжай в гости, буду рад.

Головин кисло улыбнулся и не спеша направился к машине».

Закипел чайник. Романов встал из-за стола и подошел к газовой плите.

Пока он заваривал чай, Полина взяла рукопись и быстро перелистала ее, прикидывая на глаз количество оставшихся неп прочитанных листов. Задумалась и с довольным видом произнесла:

– Хорошо. Но, по-моему, вы недостаточно ясно дали понять, что это именно Самсон подбросил Тяжу наркотики.

– Вы так считаете?

– Да. У меня как у читательницы остались в этом некоторые сомнения. А их быть не должно. И потом... Головин в вашем рассказе велел Матвееву взять за видеокассету двадцать тысяч долларов. А у меня, помнится, было написано – тридцать.

Романов не стал спорить. Молча достал из кухонного ящика ложки, чашки, украдкой, так чтобы не заметила Полина, сковырнул засохшее пятно на краешке блюда и выставил посуду на стол.

– Какое варенье предпочитаете? Яблочное? Клубничное? – спросил он, рассматривая содержимое холодильника. – Есть малиновое.

– А мед у вас есть?

Романов с сожалением покачал головой.

– Меда у нас нет.

– Тогда я попью чай просто так, без всего.

Романов достал клубничное варенье, закрыл холодильник и сел за стол.

«В дни, когда Матвеев занимался подготовкой репортажа о каком-либо важном политическом событии, особенно если масштаб этого события соответствовал масштабу его профессиональных амбиций, он совершенно забывал обо всем, что напрямую не касалось работы. Поэтому ему потребовалось некоторое время для того, чтобы отвлечься от мыслей о предстоящем репортаже и, отвечая на телефонный звонок Ирины Каюмовой, вспомнить о существовании бывшего одноклассника Юры Головина, тем более что повод для этого был самый существенный: по словам Ирины, три дня назад Головин был найден убитым в кювете пригородного шоссе.»

Собравшись с мыслями, Матвеев, как и полагается в подобной ситуации, выдержал приличествующую паузу, после чего произнес несколько стандартных фраз сожаления.

Каюмова молча выслушала и, как только он иссяк, сухо сообщила о видеокассете, которую Юрий, в случае своей смерти, завещал передать ему, Александру Матвееву.

У Матвеева не было ни желания, ни возможностей заниматься проблемами умерших одноклассников. И чтобы как можно скорее завершить разговор, пообещал Ирине в самое ближайшее время обязательно заглянуть к ней в гости.

Так получилось, что уже на следующее утро Матвеев оказался рядом с ее домом. Несмотря на катастрофическую нехватку времени, он решил не откладывать дела в долгий ящик, а выполнить свое обещание.

Всё получилось так, как он и предполагал. Каюмова не пустила его даже на порог. Едва поздоровавшись, она сунула ему в руки бумажный сверток, в котором лежала видеокассета, и тут же захлопнула дверь.

На кассете было снято ограбление Тяжсем курьера, перевозившего деньги Самсона.

Съемка велась из машины, двигающейся по мокрой от дождя трассе, ведущей в аэропорт. Сначала в кадре были видны джип „Гранд Чероки“ и „Фольксваген Пассат“. После того как навстречу „Гранд Чероки“ из машины ГИБДД выскочил гаишник и остановил его, в кадре появился стоявший на обочине черный „Мерседес“ с номерным знаком шестьсот шестьдесят шесть. Из него вышел Тяж, которого Матвеев ранее видел в ресторане „Вечерние огни“. „Пассат“ притормозил. Тяж забрался в него и почти тут же вылез обратно. В одной руке у него был пистолет, а в другой – сумка с надписью „Аидас“. Тяж выбросил пистолет в придорожные кусты, сумку закинул на заднее сиденье своего „Мерседеса“, сел за руль, развернулся и спокойно на малой скорости поехал в город.

Матвеев трижды просмотрел этот эпизод и трижды пожалел о том, что связался в это дело.

„За эту пленку могут убить, – подумал он. Потом еще подумал и добавил: – А могут и заплатить. Тысяч примерно двадцать...“»

- Тридцать! – поправила Полина.
- Тысяч тридцать, – повторил Романов и продолжил читать.

«Матвеев серьезно задумался. И чем больше он думал над тем, как продать эту пленку и при этом не выдать себя, тем явственнее представлял план будущих действий.

Он взял лист бумаги и написал:

„Петракову Сергею Захаровичу – Самсону.

Если Вас интересует видеокассета, на которой снят эпизод ограбления „Фольксваген Пассат“ неким хорошо Вам известным лицом, прошу упаковать двадцать тысяч долларов...“»

- Тридцать тысяч! – снова поправила Полина.

«– „...тридцать тысяч долларов в плотный полиэтиленовый пакет и утром второго мая на железнодорожном вокзале отдать его крайней в ряду торговке семечками для дальнейшей переадресовки мальчику в красной бейсболке. После получения мною денег обязуюсь доставить интересующую Вас видеокассету.

Аноним.

Р. С. В случае если Вы станете следить за мальчиком, договор будет расторгнут в одностороннем порядке“.

Матвеев вложил письмо в конверт. Заклеил его, позвонил в ресторан „Вечерние огни“, узнал его адрес и отправил по нему свое послание.

Казалось, полгорода собралось праздничным утром второго мая на железнодорожном вокзале. Люди, за долгую зиму соскучившись по огородным наделам, штурмом брали пригородные электрички и поезда местного значения. Площадь перед вокзалом была забита людьми и транспортом, ежеминутно подвозящим садоводов. А немного в стороне, возле автобусной остановки, выстроившись в ряд, стояли окруженные покупателями торговки семечками. Именно к одной из них, крайней, подошел подросток лет пятнадцати в красной бейсболке. Подождав, когда торговка рассчитается с покупателем, мальчик вежливо спросил у нее, не оставлял ли кто-нибудь для него полиэтиленовый пакет. Женщина недоверчиво осмотрела его с головы до ног и, немного подумав, вытащила из кошелки черный сверток. Поблагодарив, мальчик взял сверток и не торопясь направился к зданию вокзала. Войдя в него, встал в очередь, ведущую к ручной камере хранения, и, терпеливо отстояв ее, сдал сверток. Потом подошел к лотку, на котором были разложены открытки с конвертами, и незаметно передал хозяину лотка квитанцию о хранении багажа. Матвеев – хозяин лотка – сразу после этого свернул торговлю. Получил в ручной камере хранения пакет с деньгами и поехал в город. На остановке бросил в почтовый ящик конверт для Самсона, в который была вложена бумажка с номером и кодом автоматической камеры хранения, где лежала интересующая его видеокассета, и отправился к Каюмовой».

Бросив быстрый взгляд на внимательно слушающую его Полину, Романов продолжил чтение.

«Несмотря на данное Головину обещание, Матвеев не стал бы связываться с этими деньгами, если бы они не предназначались Ире Каюмовой. Матвееву хотелось добавить: „его Ире“, но Ира давно была не его, а он, много лет женатый на другой женщине, уже и не мечтал о том, что когда-нибудь еще раз произнесет эти сладкие слова вслух.

Он шел по городу, неся Каюмовой в пакете тридцать тысяч долларов, и при этом испытывал те же чувства, которые в последний раз испытывал двадцать с лишним лет назад, когда, оборвав палисадник соседнего дома, спешил с букетом белых георгинов на свое первое свидание. Он и сейчас спешил как на свидание. Спешил и с горечью думал о том, что на самом деле тридцать тысяч – не такие уж большие деньги, если на них нельзя купить самого необходимого, что требуется человеку, – любви и утешения для одной маленькой женщины с карими глазами.

Матвеев подошел к двери, за которой жила Ира Каюмова, и, сделав несколько глубоких вдохов, позвонил.

Пока она шла, а затем долго открывала замки, в его голове рождались и умирали тысячи ласковых слов, какими он собирался через секунду осыпать ее с головы до ног, подобно тому как двадцать с лишним лет назад осыпал ворохом белых георгинов кареглазую девочку. Ему казалось, еще мгновение, и он, не выдержав, начнет говорить через дверь, но... Дверь открылась, на пороге показалась Ира Каюмова, и Матвеев, еще секунду назад не знавший, какие слова ему выбрать из множества самых красивых и нежных слов, внезапно забыл их. Все, до одного... Он смотрел на нее, беспомощно шевеля губами, и молчал.

Увидев состояние Матвеева, Ирина отошла в сторону.

– Ну, проходи, раз пришел.

Она сказала это так, будто оказывала ему одолжение.

Матвеев проглотил комок в горле и, по-прежнему оставаясь за порогом, медленно покачал головой.

А потом, вспомнив о цели своего визита, протянул сверток.

– Это тебе... От Юры... Юра просил передать тебе.

Ирина раскрыла пакет и, увидев его содержимое, вопросительно посмотрела на Матвеева.

– Здесь тридцать тысяч, – сказал тот. – Все они твои.

С этими словами он развернулся и, больше ничего не говоря, выбежал из подъезда.

Оказавшись на улице, Матвеев глубоко вздохнул. Немного успокоившись, обругал себя за то, что поддался настроению и снова чуть было не совершил большую глупость, попытавшись еще раз войти в одну и ту же реку.

„Не возвращайтесь к былым возлюбленным, былых возлюбленных на свете нет. Есть дубликаты...“

Всю дорогу до дома он утешал себя строчками из Андрея Вознесенского и в который раз мысленно просил прощения у некогда брошенной им Иры Каюмовой. Ему хотелось добавить: „его Иры“, но Ира по-прежнему была не его, а он ничего другого, кроме возможности хоть иногда произносить эти сладкие слова вслух, уже не хотел.

Придя домой, Матвеев долго с открытыми глазами лежал на диване и слушал то, как его маленький сын, переставляя на ковре оловянные фигурки солдат, бубнил придуманную им самим историю противостояния двух сказочных властителей.

– Послушай, – перебил его Матвеев, – как ты думаешь, кто, по-твоему, сильнее? Старый, умный, много отсидевший... то есть много повидавший, закаленный в боях король или молодой, менее опытный, зато более кровожадный и беспринципный его сосед – королевич?

Мальчик немного подумал и спросил:

– А что, король намного старше королевича?

– Намного. Лет примерно на тридцать.

Мальчик опять немного подумал и сказал, что, по его мнению, из двоих сильнее тот, кто нападет на своего противника первым.

Давно оставивший все попытки логически разобраться в умозаключениях сына, Матвеев не стал допытываться, на чем основывается его решение, тем более что и этот, и большинство других выводов ребенка чаще всего совпадали с его собственными.

Часы пробили пять раз.

Сын ушел в свою комнату готовить уроки, а Матвеев, оставшись в одиночестве, натянул на плечи махровый плед, зевнул и повернулся лицом к стене».

Перевернув последнюю страницу, Романов подержал рукопись на весу.

– Всё! – небрежно бросил ее на стол. – Я, как мог, переложил ваш сюжет... Увы! Лучше, к сожалению, не получилось. Извините.

Всё то время, пока он читал рассказ, Полина задумчиво водила пальцем узоры на столе.

– Нет... хорошо, – улыбнулась ему. – Конечно, насчет Каюмовой и журналиста вы немного загнули, но... В общем, мне понравилось... А скажите, – спросила она после небольшой паузы, – это вы сами придумали про Каюмову и их взаимоотношения или у вас тоже был похожий случай?

Романов пожал плечами.

– Трудно сказать. Что-то похожее, конечно, было. Но говорить о том, что этот эпизод из-под копирки, я бы не решился.

– Ну хорошо, – не унималась Полина. – А когда вы бросали женщин, вы тоже чувствовали перед ними вину?

Романов замялся. Что-то он, безусловно, чувствовал, вот только назвать это чувство виной ему не позволяла совесть.

– Да как вам сказать, – промямлил он, стараясь не глядеть на Полину, – в общем, конечно, да... Понимаете, дело в том, что меня бросали чаще, а значит, переживания отвергнутого человека мне известны гораздо лучше.

– Что, и жена вас бросила? Или всё-таки вы ее?

– Я же говорю, меня бросали чаще! – с раздражением ответил Романов.

Поднявшись из-за стола, он подошел к холодильнику. Вынул блюдце с маслом и, недовольно осмотрев его со всех сторон, поставил обратно.

После неловкого молчания Полина вежливо извинилась за неуместные вопросы.

– Не извиняйтесь, я сам виноват. – Романов взял ложку, размешал в заварнике чай и, стараясь унять раздражение, глубоко вздохнул. – Видите ли, однажды я возомнил себя богом. А он, как вам должно быть известно, этого ой как не любит.

Романов разлил по чашкам чай. Взял чашку, поднял ее на уровень глаз и, прищурившись, сквозь пар задумчиво посмотрел на Полину.

– Знаете, когда бедный человек внезапно становится богатым, особенно если все вокруг по-прежнему перебиваются с хлеба на воду, он меняется. В худшую ли сторону, в лучшую ли, это другой вопрос. Главное, что он меняется... Разбогатев, многие начинают задаваться вопросом: что в них есть такого, чего нет у других? Почему они в конце отчетного квартала подсчитывают барыши, а их одноклассники-отличники – дни до полочки? Почему их уважают, а тех, кому они еще недавно почитали за честь пожать руку, – нет? И первое, что им приходит в голову, мысль об исключительности. То есть о сумме неких качеств, отличающих, к примеру, нобелевского лауреата от второгодника, триумфатора от побежденного, а чемпиона от аутсайдера. И чем больше они упиваются подобными сравнениями и выискивают различия между собой и остальными, тем больше сами себя убеждают в том, что они не такие, как все, а значит, заслуживают неизмеримо большего, чем остальные. Понимаете? А самое паршивое в этой ситуации то, что такие вот...

– Нувориши, – подсказала Полина.

– Да, – согласился Романов. – Нувориши, набобы, парвеню, Романовы, назовите как хотите, и вправду имеют все основания так считать! Потому что те люди, которые еще недавно не замечали их, теперь глядят им в рот, те, кто раньше смотрел свысока, смотрят, не скрывая зависти, снизу вверх. И в итоге нашему герою ничего не остается, как прийти к выводу о том, что... – Романов помахал пальцем над головой.

*...впору с богами соседствовать мне!
Да что там – с богами! Я сам из богов!
Движенья созвездий и ход облаков
решиительно благоприятствуют мне.*

Вот и я, подобно Левитанскому, однажды возомнил себя бог весть кем и решил, что мне – успешному бизнесмену – всё вокруг благоприятствует, что я – накопивший трудами праведными чуть ли не полмиллиона долларов – достоин не такой жены, как у других... Понимаете?

Полина согласно кивнула. Сказала, что его жена, наверное, была очень красивой.

– Красивой? Наверное. Да дело даже не в этом. Она была той, кого я искал. Как бы вам объяснить... – Романов замешкался, не зная, как точнее выразить свою мысль. – Взять, к примеру, божью коровку. Ее красный окрас является предупреждением о том, что к ней опасно прикасаться...

– Я знаю.

– А моя бывшая жена выглядела и вела себя так, что ни одному здравомыслящему человеку, если он не являлся большим начальником, преуспевающим бизнесменом или просто известной личностью, и в голову никогда бы не пришло ухаживать за ней. – Романов засмеялся. – Знаете, это как в бизнесе. Хочешь избежать конкуренции – сбрасывай цены или производи свой товар в разряд престижных.

– То есть вы хотите сказать, что ваша жена перевела себя в разряд престижных женщин?

– Ну что вы? – возмутился Романов. – Никуда она себя не переводила! Она всегда считала себя таковой. Причем, уверяю вас, совершенно искренне!

– И именно поэтому вы выбрали ее, женщину-престиж?

Романов зажмурился от удовольствия. Ему было приятно вспоминать о том времени.

– Да, – сказал он. – То есть это скорее она выбрала меня. По крайней мере, если бы я не соответствовал ее жестким стандартам, ничего бы у нас не вышло.

– А почему вы расстались?

– Я разорился.

– Ну и что? – удивилась Полина. – Неужели это может быть причиной для развода!

– Может.

– Нет! Или была какая-то другая причина, или она вас никогда не любила.

– Точнее было бы сказать: разлюбила.

Романов с улыбкой посмотрел на Полину. Подумал о том, что рассуждать так, как рассуждает она, может либо по уши влюбленная женщина, либо женщина, никогда не знавшая нужды и уверенная в том, что ей никогда не придется нуждаться в будущем.

– Видите ли, Полина. Мне не в чем винить свою жену. Когда я был в порядке – она меня честно любила. Стал нищим – разлюбила. Вот, собственно, и всё.

Полина хотела что-то возразить, но Романов опередил ее:

– Поймите вы! Ну не может она любить бедных, сирых и никчёмных! Не может! Захочет, да не сможет! Для любви ей требуется уважение к мужчине. А уважения, по ее мнению, достойны только те, кто ежедневно доказывает свою состоятельность! Кто завоевывает мир, даже если этот мир ограничивается пределами провинциального городка!.. И я, между про-

чим, знал это с самого начала. Знал и надеялся на то, что смогу всю жизнь соответствовать ее требованиям. Но... – он развел руками, – не получилось. Увы.

– Она ушла к другому?

– Да, но не сразу. Некоторое время она ждала, когда я брошу валяться на диване и снова займусь бизнесом.

– Не дождалась?

Романов отрицательно покачал головой.

– Понимаете, разорившись, многие, и я в том числе, начинают задаваться вопросом: чего в нас нет такого, что есть у других? И первое, что приходит нам в голову, это мысль об отсутствии качеств, отличающих какого-нибудь второгодника от Ломоносова, а денщика от Наполеона. И чем больше мы думаем об этом и выискиваем различия между собой и преуспевающими людьми, тем больше сами себя убеждаем в том, что мы не такие, как они, и, следовательно, нечего таким, как мы, соваться со своими свиными рылами в калашный ряд бизнесменов!.. А знаете, что самое паршивое в этой ситуации?

– Знаю, – ответила Полина. – Это то, что вы и в самом деле имеете все основания думать так!

– Да! Потому что каждое утро перед бритьем мы читаем на своем лбу в зеркале одну и ту же надпись: «Неудачник! Неудачник! Неудачник!»

– А по-моему, – возразила Полина, – там написано: «Мазохист!»

– А ну вас! – Романов обиженно махнул рукой. – Я вам серьезно, а вы...

– И я серьезно. – Прикрыв рот ладошкой, Полина украдкой зевнула. – Значит, жену вы не удержали. А что с квартирой?

– Ничего. Она взяла с собой только пару десятков чемоданов со своими шмотками, нашего ребенка – и всё.

– Весьма благородно с ее стороны. Если я не ошибаюсь, цены на квартиры в вашем доме самые высокие в городе. – Полина вопросительно посмотрела на Романова. – Ну что ж, приятно было с вами поговорить. Если не возражаете, я заберу это... – Протянув руку, она взяла со стола рукопись. Встала и направилась к вешалке. – Ах да! Чуть не забыла! – Остановившись, вытащила из сумочки пять купюр достоинством в сто долларов. – Это вам, – протянула деньги Романову. – Спасибо.

– Вам спасибо.

Романов взял доллары. Задержав ее ладонь в своей руке, спросил, не сходить ли им куда-нибудь сегодня вечером.

– Прокутим мой гонорар, а? Вы как, не против?

Полина смущенно улыбнулась. Осторожно выдернув ладонь из его руки, сделала шаг назад.

– Не знаю... как-нибудь в другой раз. Хорошо?

– Хорошо... – эхом отозвался Романов.

Опустил руку и нехотя отошел в сторону.

Полина беспрепятственно вышла в коридор. Перед тем как уйти, обернулась и еще раз на прощанье улыбнулась ему.

Проводив Полину, Романов подошел к окну. Посмотрел во двор, после ухода ребяташек-хоккеистов выглядевший каким-то заброшенным, даже ненужным, хотел задернуть занавеску и уйти, но тут заметил, как из соседнего дома выбежал мальчик с клюшкой наперевес. Наверное, окна квартиры этого мальчика выходили на другую сторону дома, потому что вид пустой хоккейной площадки, казалось, поверг его в самое настоящее смятение. Ничего не понимая, он остановился и в полном недоумении принялся смотреть из стороны в сторону в надежде увидеть хоть кого-нибудь из тех, кто еще совсем недавно гонял здесь шайбу. Однако двор был пуст, и только бодрый вид одинокого прохожего как бы говорил о том, что никакой

катастрофы на земле не произошло, а двор опустел лишь только потому, что матч завершился и все разошлись по своим домам.

Романову, наблюдавшему за мальчиком, даже с высоты четвертого этажа было хорошо заметно, насколько велико в тот момент было его разочарование. Мальчик стоял посреди, казалось, необъятной площадки со ставшей вдруг ненужной клюшкой и выглядел бесконечно одиноким. Сняв рукавичку, он вытащил из кармана шайбу и нехотя метнул ее в пустые ворота. Потом отбросил в сторону клюшку и залез на стоящие рядом качели. С каменным лицом он раскачивал себя, поднимаясь всё выше и выше, а Романову, неотрывно наблюдавшему за ним, внезапно показалось, будто весь двор медленно наполняется нестерпимым визгом несмазанных петель.

Закрыв ладонями уши, Романов отошел от окна.

«Завтра, – подумал он, – завтра этот мальчик наиграется в свой хоккей и забудет о своем сегодняшнем переживании. А как мне забыть о своем? Что мне делать? Позвонить и еще раз назначить ей свидание? Так ведь откажется... откажется... откажется...»

Романов несколько раз прошелся по комнате. словно желая удостовериться в том, что слово «неудачник» действительно написано на его лбу, остановился перед большим зеркалом жены. Одним движением сбросил с тумбочки газету, сел на пуфик и посмотрел на свое отражение.

Никакой надписи не было. А были морщины возле рта, опущенные уголки губ, желтые зубы, редкие волосы вокруг небольшой залысины чуть выше лба и нездоровый цвет кожи. И только глаза, печально взирая на всё происходящее вокруг, подобно тому как любящая мать наблюдает за веселыми проделками своего безнадежно больного малыша, немного скрашивали унылое впечатление от безрадостного зрелища.

Он долго смотрел на свое отражение. Потом подмигнул ему.

– Ну что, Васек, облом? Стихов писать мы не умеем, денег у нас нет, и что у нас осталось? Ну, ответь, что в нас есть такого, что могло бы привлечь к нам женщин? И не просто женщин, а женщин, которые нам нравятся! А-а-а... – Романов погрозил отражению пальцем, – я знаю, что ты хочешь сказать. Ты хочешь сказать, что даже тогда, когда мы с тобой не были нищими и мнили себя хорошими поэтами, нам и в голову не приходило мечтать о Синди Кроуфорд и Линде Евангелисте? Врешь! Врешь! Может, мы и не мечтали о них, но это только потому, что нам было достаточно того, что мы не исключали возможности когда-нибудь встретиться с ними. Ты хочешь сказать, на фиг они нужны нам? Согласен – на фиг они нам не нужны! Нам нужно другое, нечто более важное... Нам крайне необходимо сознание того, что это в принципе возможно. Одно только это, и больше ничего! Ты спрашиваешь, чего я волнуюсь? А я не волнуюсь. Я бешусь! Бешусь оттого, что вижу, как мы для многих постепенно превращаемся в изгоев, и я, умный человек, бессилён что-либо изменить! Стихов писать, как оказалось, мы не умеем, денег нет и не предвидится, а если учесть возраст и твою уродливую внешность, то скоро одни только разбитые разведенки и многодетные мамы станут нашими синди кроуфордами и линдами евангелистами. – Романов скорчил рожу и прогнусавил, подражая голосу актера, дублирующего порнографические фильмы: – Вася, ты кого больше хочешь, Синдиху из гастронома или Линдочку из ЖЭУ? – Он отодвинулся от зеркала и, нахмурив брови, с отвращением посмотрел на себя. – Ну и видок! Глаза б мои на тебя не смотрели, урод... Тьфу!

Романов плюнул в свое отражение. Встал и рукавом рубашки, желая замазать ненавистное лицо, тщательно растер слюну по всей поверхности зеркала.

24 апреля

Сергей Страхов, грузный мужчина лет тридцати пяти, одетый в спортивное трико и плотно облегающую тело футболку, отчего его огромный живот казался бóльшим, чем был

на самом деле, словами: «Вот так мы и живем» закончил краткий обзор последних новостей, после чего взял в руку бутылку «Абсолюта» и разлил по рюмкам водку.

– Ну, Вась, теперь ты скажи что-нибудь... Мы ж, в конце концов, не алкаши какие-нибудь – просто так пить, правильно?

Взяв рюмку, Романов на секунду задумался.

– Знаешь что... Давай выпьем за старую дружбу. А еще – за нашу молодость. За время, сблизившее нас и сделавшее нас такими, какими мы стали.

– Давай, – согласно кивнул Страхов.

Чокнулся с Романовым. Крякнул и медленно с удовольствием выпил.

– Эх, молодость, молодость! – Бережно, двумя пальцами, он взял с тарелки шпротину за хвост и, запрокинув голову, опустил в рот. – Я часто вспоминаю это время. Как ты меня постоянно долбил, заставлял учиться. Помнишь?

– Давно это было.

– Давно, – согласился Страхов. – А вот ответь мне на один вопрос. Только честно. Скажи, сумели бы мы тогда открыть наше кафе, обладай мы этими самыми знаниями, а? Я тут на днях подумал: по твоей науке мы должны были не только разориться в первые месяцы работы, но и вообще никогда не открыться.

– Молодые были, глупые. А дуракам, как известно, иногда везет.

– Не скажи! Кое-какие знания, конечно, нужны – кто спорит. Но главное в бизнесе не это. Главное – вот! – Страхов сжал кулак и показал его Романову. – Знать, чего хочешь, и всеми путями добиваться этого. А вся эта твоя наука, – он пренебрежительно махнул рукой, – вон, у бюро занятости с утра очередь занимает, выбирай любого, если приспичило.

– Так ты что, хочешь сказать: чем тупее, тем больше шансов разбогатеть?

– А-а-а... – Страхов зло сузил зрачки, – задело! А я, между прочим, говорю не о тупых. Ты, кстати, тоже аспирантур не заканчивал. Я говорю о том, что все твои книжки по маркетингу и, как там его... менеджменту только путают людей, сбивают их с толку.

– Чушь какая-то!

Наклонившись над столом, Страхов ткнул в сторону Романова указательным пальцем.

– Иной умник вроде тебя прочтет несколько мудреных книжек и думает, будто стал после этого бизнесменом. Черта с два! – Указательный палец Страхова сначала плавно трансформировался в кукиш, кукиш – в кулак. – А если ты будешь и дальше хамить – получишь по шее. Я ведь не посмотрю, что ты когда-то был моим компаньоном.

Страхов выпрямился. Взял в руки бутылку «Абсолюта» и, приподняв над столом, внимательно осмотрел дно.

Оставшись недовольным увиденным, повернул голову в сторону двери.

– Зинка! – крикнул он. – Тащи еще водки!

Откуда-то из глубины квартиры донесся голос Зины – жены Страхова, посоветовавший сделать это ему самому. Прошло еще десять секунд, и на кухне появилась сама Зина.

Невысокая, круглая, с простым доброжелательным лицом, она выглядела и вела себя как бабушка, ухаживающая за горячо любимыми внуками. Открыла навесной кухонный шкаф, вынула из него еще одну бутылку «Абсолюта» и, быстро протерев полотенцем, поставила на стол.

– Свободна! – Страхов махнул на жену рукой.

Взяв бутылку, одним движением скрутил пробку и разлил по рюмкам водку.

– Ты вот, наверное, смотришь на меня и думаешь, как несправедлива жизнь. Мол, Серега-дурак, не прочитавший за всю жизнь ни одной книжки, жирует: попивает шведскую водочку, катается на хорошей тачке, отдыхает на Канарах, – а я, такой раскрасавец, вынужден просить у него денег... взаймы, естественно.

– Я не говорил, что ты – дурак...

– Еще б ты это сказал!

– И я пришел к тебе не для того, чтобы просить денег.

– Да? – удивился Страхов. – Это хорошо. Потому что денег я тебе не дам. Во-первых, ты не вернешь, а во-вторых, у меня их нет.

– А как же шведская водочка с Канарами? – усмехнулся Романов.

– Так ведь, – развел руками Страхов, – только на это и осталось.

– Ой, и то правда! – вступила в разговор до того молча стоявшая в стороне Зина. – Месяц назад Сережа дал нашей соседке займа кучу денег, а ее, представь, Вась, на следующий день прямо в квартире убили. И как теперь долг вернуть, не знаю. Плакали наши денежки.

– Ладно, не скули! – Страхов грозно посмотрел на жену. – Не твое дело. Сам разберись.

– Да как теперь разберешься-то! – замахнувшись на мужа кухонным полотенцем, закричала Зина. – Захочешь взять, да с не с кого. У нее даже родственников тут нет. Ни опознать, ни похоронить по-людски некому было...

– Не болтай! – перебил ее Страхов. – Похоронили как полагается. Ресторан, где она работала, как его там... «Вечерние огни», кажется, дал денег, машину. А вот родственников, чтобы опознать, действительно не нашлось. Вон Зинка моя ходила опознавать. Так я ее, дуру, после этого весь вечер коньяком отхаживал.

– Так ведь изуродовали-то как, изверги. Живого места на лице не оставили...

– Постойте, постойте! Как, вы сказали, назывался ресторан – «Вечерние огни»?

– Да, – ответил Страхов. – А что?

– Да так, ничего, – удивленно пожал плечами Романов. – Совпадение. Продолжай.

Страхов вопросительно посмотрел на него. Перевел взгляд на жену и задумался.

– А о чем мы говорили?

В этот момент его взгляд упал на стол. Так и не вспомнив, о чем минуту назад шла речь, взял рюмку, поднял ее над столом и, чуть подумав, провозгласил тост:

– Предлагаю выпить вот за что... Чтобы мы, как порядочные люди, успели раздать свои долги до того, как нас вперед ногами вынесут из дома! – С этими словами он поднес рюмку к губам и добавил: – А не так, как Оксанка. Земля ей пухом.

Услышав имя соседки Страховых, Романов поперхнулся.

– Ты сказал, ее звали Оксана?

– Ну?

– И она работала в ресторане «Вечерние огни»?

– Да.

– Кем? Как ее фамилия?

– Танцовщицей она работала, – за мужа ответила Зина. – А фамилия у нее была... дай бог памяти...

– Марфина? – затаив дыхание спросил Романов.

– Точно! – почти одновременно ответили Страховы.

Романов вскочил со своего места. Тут же сел, откинулся на спинку стула, выпрямился и налил себе водки.

– А мне? – обиделся Страхов.

Романов налил и ему.

– Ты что, был знаком с ней? – спросила Зина.

– Нет.

– Тогда откуда знаешь ее?

Романов молча пожал плечами. Он и сам в эти секунды пытался понять, как получилось, что один из персонажей его рассказа носит фамилию реального человека, и то, каким образом подробности смерти этого человека стали известны задолго до того, как эта смерть произошла на самом деле.

– А когда, вы сказали, она погибла?

Раскрыв ладонь, Зина поочередно загнула несколько пальцев.

– Где-то около месяца назад. Ну да, правильно, двадцать первого марта.

– Двадцать первого... – задумался Романов. Не найдя никакого мало-мальски разумного объяснения случившемуся, пришел к мысли, что всё это, по-видимому, является результатом невероятного совпадения. – Бывает же такое! – удивленно произнес он, вставая со стула.

– Ты куда? – спросил Страхов.

– Пойду домой. Что-то голова разболелась.

Страхов бросил взгляд на початую бутылку «Абсолюта» и слегка обиженным голосом спросил Романова, чего он приходил.

– Соскучился, что ли?

Романов через силу улыбнулся.

– И это тоже, – дружески похлопал его по животу. – Хотел спросить у тебя насчет работы. Но это потом, ладно? А сейчас, если вы не возражаете, я все-таки пойду. Извините...

Страхов бросил взгляд на стол. Вспомнив об обязанностях хозяина, схватил бутылку.

– Подожди, не уходи. Давай на посошок.

– А ты-то, Василий сам как живешь? – Зина протянула остановившемуся на пороге кухни Романову блюдо с ветчиной. – Уходишь, а так ничего про себя и не рассказал... Книжки-то еще не бросил писать?

– Нет, не бросил. – Романов взял из рук Страхова рюмку. Посмотрел ее содержимое на свет и как бы между прочим заметил, что не далее как вчера в новом номере «Родной речи» вышел его рассказ.

– Под псевдонимом, правда. «Король, Королевич» называется.

Услышав об этом, Зина по-детски восхищенно хлопнула в ладоши. Перевела взгляд на мужа, мысленно сравнила его с Романовым и, оставшись крайне недовольной полученным результатом, грустно вздохнула.

* * *

Романов чувствовал себя обманутым. Каждый день в течение всего апреля он звонил Полине на сотовый телефон, и каждый день ему отвечал до омерзительности вежливый голос, повторяя слово в слово одну и ту же фразу: «Извините, абонент недоступен. Извините, абонент недоступен...»

Не находя места, он проклинал себя за гордость, не позволившую ему позвонить Полине раньше, за упущенное время, а главное, за то, что ни разу во время их длительных бесед не догадался спросить о том, где она живет.

Романов тосковал по Полине. В такие минуты, сосредоточившись на своих страданиях, он совершенно не мог размышлять ни о чем, кроме Полины и всего того, что было связано с ней. Ему казалось, что он прикладывает недостаточно усилий, чтобы отыскать ее: не звонит кому следует, не идет куда надо, не просит о помощи тех, кто мог бы помочь, – словом, ведет себя не так, как, наверное, полагается вести себя людям, потерявшим в большом городе близкого человека.

Пытаясь отвлечься от мучивших его мыслей, Романов взял в руки пульт и включил телевизор.

Переключая каналы, он увидел на экране своего старого знакомого Никиту Малявина – ведущего телепередачи «Криминальный репортаж с Никитой Малявиным».

Малявин сидел в темной мрачной студии за большим казенным столом, освещенным яркой настольной лампой, предназначенной, по замыслу режиссера, видимо, для того, чтобы

вызывать у телезрителей ассоциацию с застенками ЧК, и, перекладывая бумажки на столе, о чем-то быстро говорил.

Романов прибавил звук.

«Одна из наших мартовских передач, – рассказывал Малявин, – была полностью посвящена оперативным будням городской милиции. Вместе с сотрудниками убойного отдела мы с вами побывали в одной из сдаваемых внаем квартир по улице Академика Королева, где присутствовали при осмотре тела убитой танцовщицы ресторана „Вечерние огни“ Оксаны Марфиной. Но было в тот день еще одно событие, которое осталось за кадром нашего внимания, а именно... Двадцать первого марта, в день, когда была убита Оксана Марфина, пропала еще одна танцовщица того же ресторана – Надежда Кислицына... На первый взгляд, никакой связи между этими двумя событиями, казалось бы, не существует, однако, по версии журнала „Родная речь“, и загадочное исчезновение Надежды Кислицыной, и зверское убийство Оксаны Марфиной напрямую связаны с возвращением из мест заключения лидера белогорской преступной группировки Виктора Чичкина, по кличке Тяж. Все подробности об этом, а также о многом другом вы можете узнать из документального детектива Петренко „Король, Королевич“, опубликованного в апрельском номере журнала...»

Романов неотрывно смотрел на экран телевизора и без всяких эмоций разглядывал сильно постаревшего за последнее время Малявина.

«Сдулся, словно шарик».

А потом, пытаясь унять внезапно возникшую дрожь, обхватил плечи, поджал ноги к подбородку и застучал зубами:

– Что происходит, Никита?

Малявин вопрос не услышал и принялся рассказывать об аресте за получение взятки какого-то крупного чиновника из мэрии.

Романов взял пульт и выключил телевизор.

«Ну ладно, убили Оксану Марфину, – подумал он. – Допустим, это еще может быть совпадением. А возвращение Тяжа, о котором Матвееву рассказывал Головин? А пропажа Надежды Кислицыной?... Как там у меня было написано? – принялся вспоминать он. – Воры не воруют, грабители не грабят, хулиганы не хулиганят потому, что некогда. Смешно...»

Романов встал. Слегка покачиваясь, направился на кухню. Набрал в стакан воды из-под крана и принялся медленно пить.

«А почему, собственно, у меня? – внезапно подумал он. – Всё: и пропажу Кислицыной, и убийство Марфиной, и даже имена героев рассказа придумала Полина».

– Полина... Полина... – прошептал он. – Что же такое мы с тобой написали?

Поставив стакан на стол, Романов подошел к телефону. В очередной раз, услышав фразу: «Извините, абонент недоступен...», бросил трубку и вернулся к телевизору.

Не прошло и минуты, как раздался звонок. Романов вскочил с кресла и подбежал к телефону.

– Алло! – донесся из трубки женский голос. – Здравствуйте! Вас беспокоит Ирина Каюмова. Могу я поговорить...

Услышав имя подруги Головина, Романов растерялся. Он со страхом посмотрел на обдуваемые ветром из открытой балконной двери оконные занавески, где, как ему показалось, промелькнула тень шофера Тяжа, и тяжело задышал.

– Мы с вами не знакомы, – продолжала Каюмова. – Мой муж Юра...

– Головин?

– Вы его знали? – обрадовалась Ирина.

– Да, – неизвестно для чего солгал Романов. – Немного.

– Тогда вы, наверное, уже слышали, что он погиб?

– Три дня назад в кювете пригородного шоссе... – по памяти процитировав строчку из своего рассказа, Романов удивился тому, что это известие, в отличие от всех предыдущих, не вызвало у него никаких эмоций. Пожалуй, он был бы даже несколько разочарован, узнай о том, что Юрий Головин всё еще жив.

– Почему три? – удивилась Каюмова. – Вчера отмечали сорок дней.

– Неувязочка, однако.

– Что вы сказали?

Разговаривая с Ириной, Романов пристально смотрел на кольшущиеся от сквозняка занавески, где, как ему чудилось, в постоянно меняющихся складках тюля то и дело мелькали силуэты внезапно оживших персонажей: Оксаны Марфиной, Надежды Кислицыной, Тяжа, Иры Каюмовой, Юры Головина.

– Ничего, ничего, продолжайте.

– Послушайте, Василий. Юра оставил вам небольшой пакет.

– Что?!

Романову показалось, что он ослышался. Но даже потом, когда Ирина во второй раз повторила свои слова, он еще долгое время отказывался верить собственным ушам.

– Зачем это мне? – испуганно пролепетал он в трубку. – Мне это не надо.

– Почему? Ведь вы даже не знаете, что там!

– Там... там видеокассета, – сказал Романов.

И тут он внезапно почувствовал обиду к персонажам своего рассказа. С тем, что они зажили самостоятельной жизнью, он почти смирился, тем более что события, разворачивающиеся у него на глазах, были столь невероятны, что в какой-то момент стали забавлять его. Но вот то, что они – персонажи его рассказа – предложили кассету и тем самым сделали попытку вторгнуться в его жизнь, показалось ему крайне обидным.

– Так вы знаете, что в пакете? – спросила Каюмова. – Ну что ж... Дело ваше. Извините, что побеспокоила. До свидания.

– Подождите! – воскликнул Романов. – Скажите, какого цвета у вас глаза? Карие?

– А почему вы спрашиваете? Зачем вам это? И... и... и если вы действительно Юрин друг, почему я о вас раньше ничего не слышала? Кто вы?

Истерично рассмеявшись, Романов произнес первое, что взбрело в голову:

– Я тот, кто осыпал вас белыми георгинами.

Ирина надолго задумалась над этими словами, затем неуверенно произнесла:

– Знаете что... Если передумаете, позвоните мне. В телефонном справочнике Каюмова одна.

После чего замолчала, ожидая от Романова ответных слов, и, не дождавшись, положила трубку на рычаг.

25 апреля

Утро для Романова началось с посещения гаража.

Впервые после зимы он выгнал свою «Дэу Нексия» из бокса, затем заехал на заправку, заправил машину бензином и, приглядываясь к стоящим на обочине людям, принялся неторопливо колесить по городу.

Заработав извозом несколько десятков рублей, Романов вернулся домой. С удовольствием пообедал, потом снова сел за руль и, надеясь успеть к московскому рейсу, погнал машину в аэропорт.

«Итак, – думал он о событиях прошедшего дня, – что мне известно? То, что все события, о которых повествуется в рассказе, происходили на самом деле. Вернее, произошли в будущем, ибо рассказ я написал в феврале, а убийства людей, описываемые в нем, причем людей настоящих, не вымышленных, в марте. И что, спрашивается, из этого следует? Что некий сумасшед-

ший режиссер, прочитав рассказ, решил инсценировать его так, как это было с детской считалкой у Агаты Кристи в детективе „Десять негрят“?»

Романов выехал на шоссе и прибавил скорость.

«Не сходится. Можно, конечно, попробовать повторить события, описанные в рассказе, но подогнать под эти события людей с точно такими фамилиями, какие были у меня, нельзя... Пока ясно одно: Полина, когда рассказывала мне сюжет, знала этих людей. Вопрос в другом, что было раньше: убийца ли, прочитав рассказ, расправился со своими жертвами, пользуясь руководством Полины, или же Полина заранее знала, как всё произойдет?.. Чепуха какая-то! Неужели события были настолько предсказуемы, что кто-то мог заранее предугадать их?»

– Че-пу-ха... – по слогам вслух произнес Романов.

Тут он вспомнил вчерашний «Криминальный репортаж» и решил голову напрасно не ломать, а, как только представится возможность, позвонить Никите Малявину, тем более что тот, судя по словам, сказанным им с экрана телевизора, с некоторыми из героев его рассказа был знаком.

В этот момент автомобиль Романова догналдвигающийся по левой полосе ярко-фиолетовый джип «Форд Эксплорер». Какое-то время они ехали рядом, параллельно друг другу. Затем джип ускорился и перед перекрестком, внезапно повернув вправо, резко затормозил.

Романов нажал на педаль тормоза. Прокатившись юзом несколько метров по асфальту, «Нексия», визжа шинами, въехала в заднее крыло потерявшего скорость джипа.

Романов ударился лбом о зеркало заднего вида и на какое-то время потерял сознание. Когда он пришел в себя и заметил помятое крыло «Форда», то в ужасе опустил голову на руль.

Он опустил голову на руль и потому не мог видеть, как из джипа вышли два черноволосых смуглых человека. Один из них, худощавый, среднего роста, лет сорока – сорока пяти, с приятным умным лицом, хлопнул ладонью по крышке багажника и, огорченно покачав головой, принялся внимательно осматривать разбитый фонарь. Второй, тот, что помладше, высокий, с крепкими плечами, подскочил к «Нексии», открыл дверцу, вытащил Романова за шиворот и бросил на асфальт. Стараясь ударить как можно сильнее, он несколько раз пнул носком ботинка ему в спину, затем поднял на ноги и двинул ногой в живот.

Черноволосый продолжал наносить удар за ударом. И в тот момент, когда Романов по настоящему испугался за свою жизнь, старший, до того молча наблюдавший за этой сценой со стороны, что-то негромко произнес не по-русски. Тот, кто избивал, опустил руки и послушно отошел в сторону. Прислонился к джипу и, вынув из кармана носовой платок, принялся тщательно вытирать вспотевшую шею.

– Что ты наделал, а? – Подойдя к лежащему на асфальте Романову, старший дружелюбно протянул руку. – Совсем новая машина, круг не прошла, а ты ее взял и разбил. Нехорошо это. Что теперь делать будем?

Романов поднялся. Вытирая внешней стороной ладони в кровь разбитые губы, прошептал:

– Я заплачу.

Старший удовлетворенно кивнул.

– Правильно! Ты заплати, и я тебе ее сразу отдам.

Подняв голову, Романов вопросительно посмотрел на него.

– Простите... я не понимаю, о чем вы?

– Что тебе не понятно? Эту машину я купил за сорок тысяч долларов. Так? А тебе уступлю за тридцать пять.

– Вы не поняли. Я заплачу за ремонт.

– Нет, это ты не понял. Мне разбитая машина не нужна!

Старший положил руку на плечо Романова. Сжал его и еще раз, глядя в глаза, угрожающе произнес:

– И поэтому ты ее купишь у меня... Понятно тебе?

В это время черноволосый, тот, кто избивал, сложил вчетверо носовой платок, засунул его в карман кожаной куртки и, не отрывая от Романова пристального взгляда, неторопливо направился к нему.

– Но вы же сами подрезали меня! – с испугом посмотрев на приближающего парня, воскликнул Романов. – Я не хотел! Вы же сами...

В этот момент на шоссе показалась машина ГИБДД, двигающаяся в сторону аэропорта. Увидев ее, Романов оттолкнул черноволосого и, размахивая руками, выскочил на дорогу.

Автомобиль остановился. Из него вылез неприметного вида лейтенант в мятой форме. Козырнув присутствующим, он не торопясь подошел к машинам. Бегло осмотрел место аварии, повернулся к Романову всем телом и, кивнув в сторону «Нексии», спросил:

– Ваша?

– Моя.

– Предъявите документы!

– Товарищ инспектор, меня избивали!

– Попрошу предъявить документы! – повысил голос лейтенант.

Романов отдал права. Инспектор внимательно изучил их, после чего, похлопывая ими о раскрытую ладонь, рассеянно посмотрел себе под ноги.

– Что же это вы, господин Романов, не соблюдаете правил дорожного движения?

Романов обомлел.

– Что вы такое говорите?

– Я говорю о тормозном пути, судя по которому вы превысили допустимую скорость.

– Тут все так ездят! – еле слышно возразил Романов, показав рукой на пронесившиеся мимо автомобили.

– Что вы говорите? – усмехнулся инспектор. – А если бы все решили съехать с моста в реку, вы бы тоже последовали за ними? – Он ехидно посмотрел на Романова и, еле сдерживая раздражение, добавил: – Вдобавок ко всему, гражданин Романов, вы нарушили пункт девяносто «Правил дорожного движения», в котором говорится, что водитель должен соблюдать дистанцию до движущегося впереди него автотранспорта, которая – запомните! – позволила бы ему избежать столкновения! Ясно? При разрешенной здесь скорости шестьдесят километров в час дистанция между вами и «Фордом» должна была составлять не менее тридцати метров. Сколько было на самом деле? Пятнадцать, десять, пять?

– Хватит! – перебил его старший из двух черноволосых. – Нам всё ясно.

Не переставая хлопать пластиковыми правами о раскрытую ладонь, инспектор перевел лицо с черноволосого на Романова.

– Ну и что теперь? – спросил его. – Будем составлять протокол или договоритесь полюбовно?

Облизав сочившуюся из губы кровь, Романов огорченно махнул рукой.

– Делайте что хотите.

Инспектор вопросительно посмотрел на владельца джипа. Тот равнодушно повел плечами, как бы давая понять, что подобные мелочи его не интересуют.

– Хорошо. Значит, будем составлять.

Лейтенант залез в свой автомобиль. Вял бумагу и принялся что-то быстро писать.

Романов сел на соседнее сиденье и шепотом пожаловался на то, что черноволосые подрезали его, а теперь вымогают у него деньги за помятый джип. Инспектор в ответ только кивнул. Затем, выполнив все необходимые в таких случаях формальности, приказал Романову расписаться и выйти из машины. Демонстративно пожал протянутые черноволосыми руки, развернулся и отбыл обратно в город.

Едва милицейский автомобиль скрылся из вида, как старший из черноволосых подошел к Романову. С усмешкой посмотрел ему в глаза и, когда тот, внутренне сжавшись, приготовился к тому, что его снова начнут бить, обнял за плечо. Развернул и повел вдоль трассы.

– Ты не думай, – произнес он так, словно хотел оправдываться перед ним за недостойное поведение инспектора, – он мент не самый плохой. Просто у него жена больная. Да и время сейчас, сам видишь, какое, всем деньги нужны. Врачам нужны, ментам, учителям... Испоганились людишки, порядочных совсем не осталось... Ты вот тоже... разбил мою машину, а платить не хочешь. Разве это хорошо?

– У меня нет таких денег, – прошептал Романов.

– Сейчас нет, потом появятся! Ты просто оставайся человеком – помни, что у тебя есть долг перед людьми. А я подожду. Неделю. Потом, извини, друг, включу счетчик.

– Сколько?! – ахнул Романов. – Одну неделю?

Старший убрал руку с его плеча. Развернулся и неторопливо направился назад к машинам.

– Ты понимаешь, – сказал он задумчивым голосом, – время сейчас такое. Со всеми можно договориться. Со мной можно договориться, с ним можно, – кивнул в сторону своего младшего товарища, – а со временем нельзя. Нельзя, потому что оно никого не прощает и жестоко наказывает любого, кто пойдет против него. И нас может наказать... Понимаешь?

Облизав распухшие губы, Романов тихо произнес:

– Так давайте договоримся... без времени... по-людски.

Старший громко захохотал. Хлопнув Романова по спине, сказал:

– Молодец!

Пройдя еще несколько шагов, остановился и, резко перестав смеяться, добавил:

– Ладно, плати тридцать тысяч, и закончим на этом.

Они вернулись к машинам. Заинтересовавшись каким-то камешком на обочине дороги, старший отошел в сторону. В это время его младший товарищ подошел к Романову и, ударив по локтям, заставил поднять руки. Нашупал в пиджаке паспорт, вынул и забрал его.

Старший тем временем залез в машину. Сказал, что вернет ксиву, когда он, Романов, принесет деньги.

Романов молча кивнул. Обошел «Форд», на глаз прикидывая его возраст, и, с удовлетворением отметив про себя незначительность повреждений, спросил старшего: где, в случае чего, найти их.

Старший пристегнул ремни безопасности. Захлопнул дверцу и ответил, что сам найдет его через неделю.

Помахал на прощание рукой и поднял боковое стекло.

* * *

Этой ночью Романову снились огромные песочные часы. Подобно черному небоскребу они нависали над ним, а он – маленький, жалкий, несчастный – стоял, запрокинув голову, и безучастно наблюдал за тем, как в течение отведенного ему срока – недели – из верхнего сосуда в нижний неумолимо утекало время-песок.

30 апреля

Никита Малявин, как всегда, опаздывал.

Романов уже выпил два полных бокала пива и теперь от нечего делать сидел, разглядывая из окна бара свою изрядно помятую «Нексию».

Обычно он за рулем не пил. Однако сегодня, едва усевшись за столик, неожиданно для себя самого, вместо обычного в таких случаях кофе с молоком, заказал пива и порцию креветок.

«Плевать!» – мысленно ответил он на укоризненный, как ему показалось, взгляд немолодого официанта, принесшего заказ, а вслух добавил:

– Всё равно хуже уже не будет.

– Это почему? – Официант, видимо, решив, что фраза, сказанная клиентом, относится к нему, обиженно заморгал.

«И в самом деле, почему? – подумал Романов – Я, слава богу, жив-здоров. Руки-ноги целы, голова на месте. Деньги на выпивку, по крайней мере, сегодня еще есть. Пройдет время, и, как говорила бабушка, за наступившей черной полосой последует белая, что-то забудется, а что-то из того, что мучает сегодня, покажется мелким и пустым.

The show must go on, так сказать. Жизнь продолжается», – подытожил Романов бабушкину мысль строчкой из песни «Queen». Поднял бокал с пивом и, сделав большой глоток, принялся в десятый раз разглядывать из окна бара свою изрядно помятую «Нексию».

Малявин пришел, когда Романов допивал третий бокал.

Извинившись за опоздание, хлопнул ладонью о протянутую Романовым ладонь. Сел, махнул рукой, подзывая официанта, ответил шуткой на чье-то приветствие, вскочил, поменял не понравившийся стул, снова сел, поерзал, посмотрел по сторонам и только после этого обратил внимание на лицо Романова.

– Ну и рожа!

– На свою посмотри! – огрызнулся тот. – Опять с похмелья?

– С него, – со смехом ответил Малявин. Тут же повернулся к Романову спиной и принялся выискивать кого-то глазами. – Счет, пожалуйста! – крикнул проходившему мимо официанту.

Изменив направление движения, официант торопливо направился к нему. Однако не успел он раскрыть рот и спросить, о каком счете идет речь, как Малявин быстро произнес:

– А перед этим принесите-ка нам, любезный, пять по сто и закуски. Салатик там какой-нибудь, мясца побольше и еще чего-нибудь на ваше усмотрение. Всё!

Не давая официанту опомниться, он тут же отвернулся от него. И, словно продолжая внезапно прерванный разговор, обратился к Романову:

– Так кто это, ты говоришь, тебя так разукрасил?

Официант, несколько обескураженный подобным нахальством, растерянно посмотрел в спину Малявина. Перевел взгляд на Романова, укоризненно покачал головой и, ничего не говоря, удалился.

– Нашлись художники.

– Ну а всё-таки?

Романов взял в руки бокал. Не спеша отхлебнул из него и вытер тыльной стороной ладони губы.

Спросил:

– Ты не знаешь, кто у нас в городе ездит на джипе «Форд Эксплорер»?

Малявин сделал серьезное лицо.

– Вообще-то машина в наших краях редкая. Я, по крайней мере, знаю только одну такую. Синюю...

– Фиолетовую, – поправил Романов.

– Я и говорю, сиреневую. Так это он тебя, что ли?

– Кто он?

– Муса. Фамилию, извини, точно не скажу.

Услышав имя владельца «Форда», Романов мысленно сопоставил его с внешностью черноволосого и, немного подумав, согласно кивнул: похоже, он.

Взяв бокал Романова, Малявин отпил из него.

– Что-нибудь серьезное?

– А! Говорить противно... Ты лучше, Никита, вот что скажи: у нас что, милиция вся уже куплена? Или честные люди там еще остались?

Малявин усмехнулся.

– Что, хочешь на Мусу заявить?

– А хотя бы и так! Скажешь, бесполезно?

– Да нет...

Благодаря своей профессии криминального репортера Малявин хорошо знал нравы города, а будучи человеком известным, нередко позволял себе пренебрегать ими. Так, например, напившись с операми, мог на следующее утро похмелиться с уголовниками, а после вернуться к первым и, как ни в чем не бывало, продолжать пьянствовать с ними... Как анекдот, рассказывали случай, когда Малявин угостил забредших к нему на огонек знакомых рубоповцев французским коньяком, оставшимся после ночного посещения белогорских братков, которых те днем ранее задержали... Все обо всем знали, но, поскольку серьезных проблем от знакомства с ним ни у кого еще не возникало, он продолжал оставаться желанным гостем в любой компании.

– Не скажу, – ответил Малявин на вопрос Романова. – Но я бы на твоём месте хорошо подумал, прежде чем это сделать. – Проводив долгим взглядом длинноногую девушку, прошедшую мимо их столика, тяжело вздохнул. – Знаешь, о чем я тут недавно подумал...

– О чем?

– О том, что чем больше я с бандюгами жарю спирт и чем чаще братаюсь с ребятами из милиции, тем больше боюсь умереть не своей смертью. Как ты думаешь, отчего это?

– Откуда я знаю?

Взяв из рук Романова бокал с пивом, Малявин отпил из него.

– Это оттого, что все мы беззащитны, – сказал он. – Только я, по роду своей деятельности, знаю об этом наверняка, а те, кто, вроде тебя, знакомы с бандитами и ментами по детективным сериалам – нет. Короче! – Малявин хлопнул ладонью об стол. – Любому другому я бы, без разговоров, посоветовал заявить на Мусу. Но тебе как другу скажу: если можешь, договорись с ним. И дело тут даже не в Мусе и не в том, что милиция, как ты говоришь, продалась. Просто... – Не зная, как сказать, он пошевелил в воздухе пальцами. – Так безопаснее, что ли. Предсказуемое... Тебе ведь главное – конфликт уладить, а не Мусу закрыть. Верно?

Романов отнял у Малявина свой бокал. Приподнял его над столом и посмотрел на свет, определяя количество оставшегося в нем пива.

– Всё выдул!

– Ну не убьет же он тебя, в самом деле! Хотя может. А заявишь – бог знает как там все обернется. Муса – мужик серьезный, шуток юмора не понимает.

Романов молча выслушал Малявина. Вернул ему бокал с остатками пива и, покачав головой, спросил, как он, Никита, может так жить.

– Я с этим Мусой один раз столкнулся и до сих пор отойти не могу, а ты каждый день возишься в этой грязи, и ничего... Такое ощущение, тебе это даже нравится!

Приняв из рук официанта графин с закуской, Малявин разлил водку. Шумно выдохнул носом и опрокинул в себя содержимое рюмки.

– Ну ладно, – удовлетворенно погладил себя по груди. – Чего звал-то? Насчет Мусы, что ли, покалякать? Могу. Только учти, с ним, волчарой, трудно договориться. Как бы хуже не вышло.

– Нет. Я к тебе по другому делу. – Романов грустно посмотрел на свою рюмку. – Ты последний номер «Родной речи» читал? Что скажешь?

Малявин мгновенно оживился. Приподняв плечи, он хитро сузил глаза и ткнул бутылкой с минералкой в сторону Романова.

– Ты имеешь в виду рассказ Петренко «Король, Королевич»?

– Да.

Малявин поставил минералку на стол. Сжал кулак и потряс им в воздухе.

– Написано, конечно, бездарно, но вещь, скажу я тебе, потрясающая! Мощная! Местная братва последние дни только об этом и шушукается.

– О чем, если не секрет?

– Как о чем? Ты что, сам не читал, что ли?

Романов на всякий случай решил скрыть свое авторство.

– Почему не читал, – ответил он. – Читал.

– И что, ничего не понял?

Романов честно признался: практически ничего.

Качая головой, Малявин с усмешкой посмотрел на него.

– Эх ты, божий одуванчик. Порхаешь, не зная трудов и забот.

– А покорооче нельзя?

– А покорооче не получится. Ведь ты же, как я понимаю, ни кто такой Самсон, ни кто такой Тяж и слыхом не слыхивал? Да? Ну вот, придется начинать с азов... Наливай!

Романов наполнил рюмку Малявина. Подождал, когда тот выпьет-закусит, и снова налил.

– Сначала вкратце о криминальной обстановке в городе... – Малявин бросил взгляд на вновь наполненную Романовым рюмку и, махнув рукой, залпом опорожнил ее. – А в городе, – поморщился он, – криминальную обстановку определяют две бригады: Самсона и белогорских. Есть еще куча мелких, вроде чеченцев твоего Мусы, который ходит под Самсоном и, кстати, считается чуть не его правой рукой. Но это так, мелочь, можно пренебречь. – Малявин перевел взгляд на пустую рюмку. Подумал, что, может быть, стоит наполнить ее до того, как остынет горячее, однако, почувствовав легкую тяжесть в желудке, решил повременить. – Начнем с бригады Самсона. Это, грубо говоря, банда уголовников. Рэкет, наркотики плюс легальный бизнес. О чем, если ты внимательно читал рассказ, журналисту... как его там...

– Матвееву.

– Да, Матвееву рассказал Головин.

– А кстати! – перебил Романов. – Матвеев и Головин на самом-то деле существуют?

– Головин существует. Вернее, существовал. Я его, признаться, почти не знал. Он сразу после ареста Тяжа получил за хулиганство около двух лет, вышел где-то в марте и буквально через пару дней после освобождения был убит. А вот что касается Матвеева... – Малявин задумчиво покачал головой, – о таком у нас никто не слышал.

– Может, под этим именем кто-то из своих прячется?

– Братва уже думала над этим, но ни к чему конкретному, насколько я знаю, не пришла. Я, кстати, звонил Скоблякову, спрашивал его на этот счет, так тот, представь, послал меня на три буквы!

– Как это?

– А вот так! Сказал, что автор решил сохранить инкогнито и поэтому он, говнюк, помочь мне ничем не может.

– Ладно, – улыбнулся Романов. – Давай дальше. Что у нас там с белогорскими?

Малявин подвинул к себе поближе горячее. Прицелился одним глазом и с видимым удовольствием воткнул вилку в бифштекс.

– Что же касается бригады белогорских, то это в основном бывшие и ныне действующие спортсмены. Их лидер – Тяж, раньше, говорят, был хорошим борцом-классиком, мастером спорта и чуть ли не членом молодежной сборной Советского Союза! Прикидываешь уровень?

– Талант, – усмехнулся Романов.

– Во-во! – подтвердил Малявин. – Талант. Да такой, что многим одно время казалось: еще немного – и он весь город вместе с Самсоном и его московскими покровителями под себя подомнет... Наглый, как танк. Правильно этот Петренко про него написал: «кровожадный и беспринципный». В точку!

– Ну а про Кислицыну и Марфину что скажешь?

Малявин перестал жевать. Положил вилку на стол и вытер салфеткой уголки губ.

– А чего тут говорить. Всё как всегда. Паны дерутся, у холопов чубы трещат. – Он показал Романову пальцем на пустую рюмку. – Два-два с половиной года назад Самсона ограбили, когда он переправлял в Москву доллары...

– Как ограбили?

– Просто! Джип с охраной, сопровождавший курьера, тормознули менты за превышение скорости, а грабители, видимо, усекли это дело и каким-то образом сумели остановить автомобиль курьера. Забрались внутрь, поубивали всех, кто там был, и забрали бабки. Словом, точь-в-точь как в рассказе. Мне, по крайней мере, добавить нечего.

– Ты хочешь сказать, Петренко сама участвовала в налете?

– Почему она? – удивился Малявин.

Опустив глаза, Романов наполнил до краев рюмку. Протянул ее и сказал, что оговорился.

– Не обращай внимания. Что было дальше?

Малявин выпил. Взял из корзинки ломоть хлеба и, отломив кусочек, понюхал.

– А дальше начались поиски грабителей. Сразу скажу – безрезультатные. Ходили, правда, слухи, что это дело рук белогорских, но... не пойман – не вор. Сами-то белогорские, как ты понимаешь, не сознаются. Им доказательства подавай. Мол, докажи, что это мы украли, тогда, может, и вернем то, что взяли. А не докажешь – пошел вон, дурак!

Малявин замолчал. Повернулся к Романову спиной и принялся высматривать кого-то в зале.

– И что дальше?

– Пивка бы сейчас. – Не найдя взглядом официанта, Малявин повернулся лицом к Романову. – Дальше Самсон забил стрелку Тяжу у себя в ресторане, вроде бы для того, чтобы предъявить ему претензии. Кстати, тот ресторан – любимое место твоего Мусы. Вот... А в это время в городское отделение милиции поступил анонимный звонок, в котором некий недремлющий товарищ сообщил, что гражданин Чичкин, он же Тяж, сидя в отдельном кабинете ресторана «Вечерние огни», употребляет наркотики... Мне об этом сами ребята из отделения потом рассказали... Ну а дальше – всё как в рассказе: ОМОН, шмон, стон...

– Послушай! – перебил Романов. – Всё это я и без тебя знаю. Из того же рассказа. Ты мне лучше скажи, чего там есть такого... – он сжал кулак и потряс им в воздухе. – Мощно! О чем твои братки шушукуются.

Малявин снова осмотрел зал в поисках официанта. Снова не найдя его, недовольно поморщился и налил себе полный стакан минералки.

– В этом рассказе черным по белому описаны тайные грешки наших братков, о которых они сами предпочли бы не распространяться. При чем, как я понимаю, не из скромности... Ты мне, кстати, все не даешь досказать, но именно поэтому убили Кислицыну с Марфиной. И Головина в придачу...

– Подожди! – перебил Романов. – Кислицына же просто пропала.

Малявин покачал головой.

– Уже, видимо, не просто. На днях нашли сумку с ее одеждой, той, в которой ее похитили.

– И что?

– На одежде была кровь.

– Ну хорошо, – согласился Романов. – Пусть ее тоже убили. А за что? За то, что они с Марфиной подкинули Тяжу анашу? Так никто их в рассказе вроде особенно и не обвинял.

– Зато они могли видеть, как это сделал Самсон.

Хлопнув ладонью об стол, Романов откинулся на спинку стула.

– Ничего не понимаю! Какой смысл Самсону убивать их? Если он непричастен к аресту Тяжа, то и Кислицына, и Марфина с Головиным являются, по сути, свидетелями его невиновности, а если причастен, то убийство этих людей по большому счету ему ничего не дает.

– Не скажи! – возразил Малявин. – В чем сила рассказа? В том, что и Самсон, подозревающий белогорских в ограблении его курьера, и Тяж, подозревающий самого Самсона в том, что тот сдал его ментам, не в силах доказать вину друг друга, вынуждены пока оставить все как есть.

– Объясни.

– А чего тут объяснять? Это, знаешь ли, фраеру можно ноги переломать, а потом разбираться, не виноват ли он в чем. Тут такие номера не пройдут. Тут, знаешь ли, войной пахнет... Но, чтобы послать братву под пули, уговоров типа «это сделали они, потому что, кроме них, козлов, некому» недостаточно. Необходимы конкретные доказательства. Поэтому Самсону, если это, конечно, он подкинул Тяжу травку, несмотря на всю очевидность его вины, все-таки следовало убирать свидетелей. И он убрал их.

– Ты хотел сказать что-то о силе рассказа, – напомнил Романов.

– А теперь, после опубликования рассказа, – словно не слыша вопроса, продолжал Малявин, – похоже, уже никому не надо утруждать себя собирательством доказательств и зазря тратиться на убийство свидетелей. Товарищ Петренко всё за всех доказал. Рассказал, кто кого ограбил, кто кого в отместку сдал ментам, так что теперь пострадавшим осталось только вынести приговор и привести его в исполнение.

Романов пожал плечами:

– А тебе не приходила мысль, что, быть может, Петренко просто выдумал все это? Выдал, так сказать, наиболее популярные версии за то, как было на самом деле.

– А на самом деле, – засмеялся Малявин, – Самсона ограбила местная шпана, а у Тяжа просто нечаянно за подкладкой завалялась коробочка анаши. Кстати, насколько я знаю, этот амбал не курит и почти не пьет. Но это так, к слову. А вообще-то, – продолжал смеяться Малявин, – Самсон и Тяж – братья навек.

Романов махнул на него рукой. Схватил свою рюмку и со словами: «Теперь-то хуже уже точно не будет» залпом осушил ее.

Пока он, обдумывая слова Малявина, закусывал, сам Малявин, в ожидании официанта, зевал и рассматривал Романова.

– Тут, Вася, всё дело в деталях. Причем в таких, о которых несведущие люди, вроде нас с тобой, даже не догадываются.

– Например?

– О! – воскликнул Малявин. – Я тоже кое-кому задал этот же вопрос: например? И мне ответили, что последним танцем, перед тем как Кислицына и Марфина закончили свое выступление в тот вечер, когда арестовали Тяжа, был... Как ты думаешь, какой танец был последним? Ну? Вспоминай, ты же говорил, читал рассказ!

– Канкан? – предположил Романов.

– Точно! А как Тяж вынес из джипа сумку с тремястами тысячами долларов? Нес ее в руке или держал на плече?

Романов покачал головой.

– Не помню.

– В руке. А знаешь почему? Потому что ремень, за который можно было бы повесить сумку на плечо, был порван! Теперь ты понял?

Романов опустил голову. Чем больше он слушал Малявина и чем больше пытался убедить себя в том, что ничего страшного не произошло, что просто одна симпатичная женщина решила взять за основу своего рассказа трудовые будни российской преступности, тем больше у него возникало впечатление надвигающейся беды. Так, как это с ним уже однажды случилось в декабре 1979 года, в новогоднюю ночь, когда на город обрушились сорокаградусные морозы. Выйдя после полуночи из дома, он с изумлением, а потом и со страхом увидел, что город совершенно пуст, а уличные фонари горят вполнакала, освещая лишь малое пространство перед собой. Было нечто зловещее в том свете. Как будто на вымерший город издали надвигалась какая-то угроза и желтый свет горящих из последних сил фонарей казался последним предвестником ее. Он еще тогда подумал, что, если бы в ту минуту огни погасли, было бы не так жутко.

Вот и теперь, выслушивая доводы Малявина, Романов снова почувствовал приближение неминуемой беды.

А Малявин тем временем не переставал нахваливать рассказ.

– Вот только в одном братва расходится, – сказал он, – в личности Петренко. И многих это очень волнует.

– А то, что убийства произошли в марте, их не очень волнует? – спросил Романов.

– А почему их это, собственно, должно волновать? – пожал плечами Малявин. – Тут-то как раз всё понятно. Убили тогда, когда уже окончательно стало ясно, что Тяж жив, здоров и скоро выйдет на волю. И не просто выйдет, а с жадной выяснит, каким образом к нему в карман попала анаша.

«Значит, то, что я написал об убийствах раньше, чем они произошли на самом деле, он выяснять пока не жаждет. Ну что ж... Спасибо и на этом», – подумал Романов и мысленно добавил, что уж кто-кто, а Малявин должен был знать о том, что один месяц – слишком маленький срок для того, чтобы убить трех свидетелей, написать об этом рассказ и успеть напечатать его в журнале.

– Послушай, Никита! Ты сказал, что с убийствами тебе как раз всё понятно. Значит, в рассказе есть что-то такое, что тебе понятно не совсем?

– Ну не то чтобы непонятно... – Недовольно морщась, Малявин заерзал на стуле. – Я ведь не бандит и всего, что у них там творится, знать, естественно, не могу. Поэтому вынужден многое допускать и еще больше принимать на веру... Братву, насколько я понял, очень интересует видеокассета. Причем интересуется всех: и самсоновских, и белогорских. Эта кассета, как они считают, ключ ко всему.

Малявин поднял на Романова глаза. Спросил, надо ли объяснить, почему.

Романов кивнул: надо.

– Если окажется, – принялся объяснять Малявин, – что кассета на самом деле существует, а слухи о ее существовании ходили давно, и если окажется, что на этой кассете запечатлено ограбление самсоновского курьера Тяжем, то у Самсона будут все основания требовать его головы. И я не удивлюсь, если эксцесс с коробком анаши при этом сам собой рассосется. А вот если на пленке будет какая-нибудь туфта, то Тяж с полным правом может бить себя в грудь и возмущаться по поводу того, что его сначала несправедливо обвинили в ограблении самсоновского курьера, а потом подставили ни за что ни про что. Тогда, я думаю, уже Самсону несдобровать... Хотя, может, я ошибаюсь. Может, никто никому не будет ничего доказывать, а просто, не мудрствуя лукаво, братки по старинке возьмутся за стволы и, помолясь, пойдут войной друг на друга. Воспользуются, так сказать, добрым советом сына Матвеева: «Победит тот, кто начнет стрелять первым».

Романов хотел было возразить Малявину, сказать, что это никакой не совет, однако вовремя сообразил, что стоит только показать свою осведомленность в этом вопросе, как Малявин тотчас расколет его. А это, как он подозревал, было небезопасно.

Принесли пиво. Окончательно захмелев, Малявин принялся рассказывать о своих делах. Романов, как китайский болванчик, стараясь выказать максимальную заинтересованность, согласно кивал головой, а сам, время от времени поддакивая, думал о своем. О том, кому и почему надо было убивать танцовщиц с Головиным, откуда Полина Петренко знает детали ограбления самсоновского курьера, на чем основывается ее уверенность в причастности Самсона к аресту Тяжа, а главное, зачем ей всё это понадобилось.

Романов думал об этом весь вечер. И тогда, когда они с Малявиным в молчании допивали водку, и тогда, когда он, стараясь ехать как можно аккуратнее, отвозил его домой, и даже тогда, когда, возвращаясь в гараж, встретил на дороге того самого инспектора ГИБДД, который отказал ему в защите от Мусы. Кому? Почему? Откуда? Зачем? Каждый раз, отвечая на любой из этих вопросов, он вместе с предположительными ответами немедленно получал кучу других: кому? почему? откуда? зачем? – и от этого с каждой минутой чувствовал себя всё тупее и несчастнее.

При приближении «Нексии» Романова инспектор, до того мирно стоявший на обочине, внезапно сорвался с места. Раскручивая жезл над головой, он выскочил на край дороги и приказал остановиться. Не успел Романов испугаться, как темно-синие «Жигули», двигающиеся впереди него, показали правый поворот и, плавно повернув к тротуару, притормозили возле лейтенанта.

«Пронесло!» – провожая взглядом инспектора, облегченно выдохнул Романов.

Загнав машину в гараж, он вымыл лицо из бутылки с минеральной водой. Поблагодарил Всевышнего за то, что тот не отдал его во власть лейтенанта-инспектора, и дал себе слово никогда не пить за рулем.

* * *

Романов любил, сидя у окна, наблюдать за тем, как на город надвигаются вечерние сумерки, как в комнате, еще несколько минут назад по-дневному светлой, становится темнее, как очертания домашних предметов медленно выходят из своих границ и сливаются с окружающим фоном. А потом, предварительно зажмурившись, он любил резко открывать глаза и смотреть в окно, с удовольствием отмечая, что на улице кажется светлее, чем в комнате, что вечер только-только начинается, а значит, всё самое лучшее, что есть в жизни, еще впереди. Но больше всего он любил в тот момент, когда на дворе окончательно стемнеет, включить верхний свет и, выглянув на улицу, представить себе усталого, неприкаянного путника, одиноко бредущего в ночи. И тогда, как по мановению волшебной палочки, все неприятности прошедшего дня представлялись настолько пустыми, что ему делалось даже как-то неудобно перед этим неприкайным путником за то, что он сидит дома, а тому еще предстоит идти в ночи.

Романов сидел на подоконнике, наблюдая за тем, как на город опускаются сумерки, и думал о Полине. В этих думах он спрашивал себя, кто он для нее. Случайный встречный? Очередной воздыхатель? Друг, помощник или орудие для достижения каких-то целей?

Он встал на ноги. Не торопясь прошелся по комнатам, остановился возле кресла и, тяжело кряхтя, сел.

«А каковы ее цели? Для чего надо тратить пятьсот долларов на писателя, опубликовать в журнале рассказ, а после публикации прятаться?»

Он опустил ладони на подлокотники и тяжело вздохнул. Подумал над тем, что произошло с ним в прошедшие дни, и пришел к мысли, что, если он хочет что-то выяснить, ему прежде

всего необходимо систематизировать известные факты и на их основании искать ответы на свои вопросы.

Романов поудобнее расположился в кресле. Закинул ногу на ногу и, словно ища подсказки, с надеждой посмотрел в потолок.

«Итак, Полина Петренко, молодая, красивая женщина, заказала мне рассказ, в котором главный герой, журналист Александр Матвеев, – и это, кстати, единственное имя, которое мне разрешили придумать самому, – стал свидетелем бандитских разборок. Сначала Тяж, по словам Головина, грабит курьера Самсона. Но поскольку доказать его вину Самсон не может, а наказать очень хочется, то Самсон сам ли, с помощью ли своих танцовщиц, пока не ясно, подкидывает коробок анаши Тяжу и вызывает милицию... А травкой его, между прочим, ссудил не кто иной, как шофер Тяжа Юрий Головин».

– Головин... – Романов поморщился. Почесал нос и принялся вспоминать, что было дальше:

«Тяж получает два года. Самсон боится, что тот, выйдя из тюрьмы, захочет узнать, какая сволочь его подставила, и убивает свидетелей. Потом вдова Головина, или кем она там ему приходится, передает Матвееву видеокассету, на которой...»

В этот момент зазвонил телефон. Романов быстро встал с кресла и взял трубку.

Звонила его бывшая жена. Сухо поздоровавшись, она напомнила о существовании сына и о том, что сын, как и все нормальные дети, отцы которых живы-здоровы, имеет право на еду, питье, одежду и отдых на море, который, по ее словам, стоит значительно дешевле, чем лекарства для детей, вовремя там не побывавших. Потом она плавно перешла на темы родительского долга и еще долго перечисляла список необходимых ребенку вещей.

Романов не верил собственным ушам. Обычно невнимательный к людям, он всегда по еле уловимым интонациям, по каким-то неопределенным жестам мог с точностью до ста рублей определить состояние кошелька своей жены. Однако даже тогда, когда он забывал о своих супружеских обязанностях кассира, она никогда не унижалась до просьбы, а только в редких разговорах с ним плотно сжимала губы и старалась раньше времени лечь спать.

И вот впервые на его памяти она просила деньги.

«Видимо, ее новый тоже прогорел», – без тени злорадства подумал Романов. Дал жене выговориться, а под конец разговора пообещал выполнить все ее требования.

«А как? – спросил себя, вернувшись в кресло. – Как я их выполню?»

Еще год назад на подобный вопрос менее удачливых товарищей Романов отвечал, что существуют сотни способов заработать деньги. Отвечал искренне, потому что действительно полагал: бедность – от лени, богатство – от труда. И надо же такому случиться, что именно тогда, когда ему самому понадобились средства к существованию, уверенность в том, что это на самом деле так, куда-то пропала.

«А тут еще этот джип», – с раздражением подумал Романов. Тяжело вздохнул и принялся размышлять дальше.

«Итак, позвонила подруга Головина Ирина Каюмова и предложила Матвееву видеокассету, на которой был снят эпизод ограбления Тяжем самсоновского кассира. И мне, кстати, Каюмова тоже позвонила и тоже предложила...»

Снова зазвонил телефон. Романов нехотя встал и взял трубку.

– Здравствуй, Василий, – как будто из глухого колодца донесся еле слышный мужской голос. – Это с тобой Муса говорит. Помнишь такого?

Первым желанием Романова было бросить трубку на рычаг и больше никогда не подходить к телефону.

– Разве вас забудешь, – выдавил он из себя.

– Что ты говоришь? Не слышу!

– Я говорю, помню!

- Это хорошо, – удовлетворенно прохрипел Муса. – Как твоё здоровье? Не болеешь?
- Спасибо, нет.
- Ну и хорошо.

В разговоре возникла небольшая пауза. Романов молчал, ожидая, что скажет Муса, а сам Муса, казалось, о чем-то напряженно размышлял.

– Ты не болей, – внезапно произнес он. – Знаешь, лекарства сейчас дорогие, в больницах очереди. Умрешь, кто сына женить будет?

– Откуда вы знаете про моего сына? – забеспокоился Романов.

– Ну, – засмеялся Муса, – я о своих должниках всё знаю. И всё помню. Я, например, знаю, что ты не из тех, кто из-за тридцати тысяч долларов даст перерезать себе глотку, и помню, что до расчета осталось два дня... Алло, Василий, ты слышишь меня?

– Слышу.

Муса закашлял в трубку.

– Ну и хорошо, что слышишь, хорошо... А то я подумал, может, заболел человек, помощь нужна. Дай, думаю, позвоню, напому о себе.

– Спасибо.

– Это тебе спасибо, что не забываешь! – как показалось Романову, ехидно произнес Муса. Еще раз прокашлялся и, не попрощавшись, прервал связь.

Романов несколько секунд подержал в руках плакающую трубку, затем со злостью швырнул ее себе под ноги.

– Мразь! – выругался он сквозь зубы.

Какое-то время, еле сдерживая гнев, он сидел на диване, а потом, пытаясь успокоиться, сделал два глубоких вдоха.

«Так, на чем я остановился? – Романов усилием воли попытался сосредоточиться на мыслях о рассказе. – На том, что Каюмова – подруга этого придурка Головина – предложила Матвееву кассету, на которой...»

Романов сорвался с кресла и заметался по комнате.

– Ну какая же все-таки, скажите, мразь, а! Сыном угрожать! Всё, говорит, знаю и за тридцать тысяч глотку перережу! Я сам тебе перережу, сволочь!

Романов вбежал в ванную. Подставил голову под струю холодной воды и принялся изрыгать из себя страшные проклятья в адрес Мусы. Затем, быстро причесавшись, вернулся в кресло.

«Все, хватит ныть! – приказал себе. – Надо что-то предпринимать. Раз проблема просто так не решается, значит, самое время братья за ее решение самому. – Забарабанив пальцами по подлокотнику, Романов с надеждой посмотрел в потолок. – Так, что я могу сделать?» – подумал он и вслух сам себе ответил:

– Я многое чего могу, если захочу! Могу, например, заявить в милицию.

Романов задумался над этой мыслью. Однако, вспомнив совет Малявина и эпизод с инспектором ГИБДД, с сомнением покачал головой.

– А могу и не заявить... Могу найти деньги, – произнес он и тут же про себя добавил: «А могу и не найти».

– Могу убить Мусу...

«А могу лишиться сына».

Романов содрогнулся от этой мысли. Отгоняя ее от себя, тряхнул головой и, согнувшись в кресле, принялся размышлять дальше.

«Лучше было бы, конечно, никого не убивать, а найти деньги... Хотя замочить эту мразь тоже было бы неплохо. Но главное сейчас, как правильно заметил Малявин, уладить конфликт. А значит, надо искать тридцать тысяч... Надо что-то продавать».

Романов разогнулся. Откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

«Итак, что у нас есть в загашнике, – подумал он, мысленно представляя себе вещи, о которых пойдет речь. – Далеко не новая машина „Дэу Нексия“, стоимостью тысячи в полторы-две, гараж, примерно по такой же цене, четырехкомнатная квартира, которую я ни при каких обстоятельствах продавать не стану, и... и... и, пожалуй что, всё».

Романов открыл глаза и пристальным взглядом обвел комнату.

«Негусто, – оценил свою обстановку. – Мебель, телевизор, видеомэагнитофон, музыкальный центр...»

– Стоп! – скомандовал себе.

Переведя взгляд назад, на видеомэагнитофон, он ахнул.

– Вот где я возьму тридцать тысяч!

Не отрывая взгляда от заинтересовавшего его предмета, он медленно встал. Прошел к журнальному столику, схватил телефонный справочник и принялся лихорадочно листать.

– Кашфуллин, Кашфуллина, – нетерпеливо шептал он, водя пальцем по списку абонентов, – Кашеев, снова Кашеев... ага, вот, нашел... Каюмова И.А.

Романов бросился к телефону.

«Говорят, всем нужна кассета Головина. Вот ее я и продам. Лишь бы только Каюмова не обманула! Лишь бы не подвела!»

Каюмова не подвела. Едва зашла речь о кассете, как она тотчас с готовностью согласилась отдать ее по первому требованию.

Глянув на часы, Романов потребовал отдать кассету завтра.

– Хорошо, – ответила Каюмова. – Жду вас завтра в полдень.

Она сообщила ему свой адрес. Коротко попрощалась и повесила трубку.

Романов облегченно выдохнул. Задумчиво насвистывая веселую песенку про грустного козленочка, он не спеша прошелся по комнате, потом еще раз мельком глянул на часы, зевнул и решил идти спать.

Войдя в темную спальню, он по привычке зажмурил глаза. Включил свет и, быстро посмотрев в окно, представил себе двух одиноких неприкаянных путников, бредущих в глухой ночи. Путники в его воображении, спотыкаясь, тащились из последних сил по бездорожью и с завистью смотрели на освещенный яркими огнями дом, в котором жил Романов. Потом они горько заплакали. Закрыв головы ладонями, путники не по-русски жаловались на судьбу, а когда, выплакавшись, опустили руки, Романов узнал в них Мусу со своим младшим товарищем.

Романов удовлетворенно хмыкнул. Сладко потянулся и с довольным видом принялся разбирать постель.

1 мая

Ирина Каюмова оказалась невысокой худенькой женщиной лет тридцати. Любезно пригласив Романова войти в дом, она, после длительных уговоров, заставила его в честь праздника выпить рюмку коньяка. Усадила за стол и, налив чашку чая, принялась вспоминать о Юре Головине. О том, каким он был замечательным человеком: добрым, заботливым, работающим, какие он ей делал подарки и какие мог бы сделать еще, если б не погиб. Иногда, для того чтобы выразить свои чувства, ей не хватало слов, и тогда, жалобно улыбаясь, она из-под век виновато смотрела на Романова, как бы предлагая всё остальное домыслить самому.

– Ведь вы меня понимаете? – спрашивала она его после каждого незаконченного предложения.

– Понимаю, – отвечал Романов и после каждого ответа опускал глаза.

Слушая Ирину, Романов долгое время не мог понять, кого ему напоминает нарисованный ею портрет кроткого, безответного человека, каким, по ее мнению, являлся судимый за хулиганство Головин. Напрягая память, он перебрал в памяти всех, кто хоть немного подходил

под эту категорию людей, пока, наконец, не сообразил, что, рисуя, со слов Каюмовой, в своем воображении образ Головина, он незаметно для себя самого создал портрет гоголевского Акакия Акакиевича Башмачкина.

Представив себе вечного титулярного советника в роли водителя и одновременно охранника криминального авторитета, Романов чуть не прыснул со смеху. Еле сдержавшись, опустил голову, а затем, нарочито нахмурив брови, спросил: знает ли она, чем занимался Юрий.

– Конечно, – уверенно ответила Каюмова. – Он работал шофером в гараже. Возил на «Мерседесе» какого-то очень большого начальника.

– Какого?

Ирина пожала плечами.

– Не знаю. Юра что-то говорил об этом, но я, к своему стыду, признаться, уже забыла.

Романов с любопытством посмотрел на девушку. Чем-то в этот момент она напомнила его бывшую жену. Той тоже всегда было глубоко безразлично, где и каким образом муж зарабатывает ей на жизнь.

«Эти женщины, – подумал Романов, – начинают интересоваться этим вопросом только тогда, когда у них заканчиваются деньги. И то лишь для того, чтобы узнать: на что они могут рассчитывать в будущем».

Романов одним глотком допил остывший чай. Поблагодарил Ирину за угощение и, взяв пакет, в котором находилась завещанная ему Головиным видеокассета, вышел из-за стола.

Прогуливаясь пешком до дома, Романов с интересом разглядывал развешенные повсюду яркие афиши, зазывающие горожан посетить завтрашний концерт Бориса Моисеева, пил газированную воду, ел мороженое, с удовольствием глазел на молоденьких девушек и, вспоминая прошедшую встречу, думал о том, что природа определенно ошиблась, наделив Ирину Каюмову серыми, как его нелюбимый пиджак, глазами.

* * *

Сначала в кадре были только дождь и окружающий дорогу черный лес. Постепенно сквозь пелену дождя проявился джип «Гранд Чероки», а через минуту после того, как машина, из которой велась съемка, перестроилась с первого ряда во второй, в кадре появился «Фольксваген Пассат». Какое-то время на дороге ничего особенного не происходило. Впереди, разбрызгивая воду, по-прежнему мчался «Пассат», за ним в пяти-шести метрах «Гранд Чероки», а сбоку, чуть сзади, по второй полосе автомобиль видеооператора. Затем движение стало замедляться. Машины, выстроившись в ряд, почти остановились, ожидая, когда впереди стоящие преодолеют глубокую рытвину в асфальте. «Фольксваген», переваливаясь, как старушка с боку на бок, первым преодолел ее, выехал на ровное место, прибавил скорость и через мгновение скрылся из вида. Пытаясь наверстать упущенное, «Гранд Чероки», едва преодолев препятствие, ринулся за ним. Не успели они разогнаться, как из стоявшего на обочине автомобиля ГИБДД на дорогу выскочил одетый в плащ-палатку гаишник. Быстро вращая жезлом над головой, он бросился наперерез «Гранд Чероки», угрожающими жестами заставляя того остановиться.

Романов, что-то вспоминая, дважды прокрутил этот эпизод. Поморщился, как от зубной боли, и принялся смотреть кассету дальше.

Джип притормозил. Машина видеооператора на огромной скорости проскочила мимо него и вскоре догнала вырвавшийся вперед «Пассат», в котором, как догадался Романов, ехал курьер Самсона. Проехав метров двести, «Пассат» вырулил вправо и остановился рядом с черным шестисотым «Мерседесом». Оператор тут же показал крупным планом номер «Мерседеса» – три шестерки – и перевел камеру обратно на «Фольксваген». В этот момент в кадре промелькнула чья-то фигура.

Романов несколько раз прокрутил и этот эпизод, но толком разглядеть, кто это, не сумел. Тем временем машина, из которой велась съемка, проехала мимо джипа и остановилась за «Мерседесом» в тот момент, когда за человеком, мелькнувшим в кадре, захлопнулась дверца «Пассата». Оператор еще раз крупным планом показал номер «Мерседеса» – шестьсот шестьдесят шесть, подержал его в кадре несколько секунд, после чего выключил камеру.

Опять камера включилась, когда черный «Мерседес» плавно вырулил на другую сторону дороги и умчался в направлении города. Оператор, проследив его путь, еще раз показал «Фольксваген Пассат», стоящий на обочине с раскрытой настежь боковой дверцей, и на этом закончил съемку.

Посмотрев фильм и убедившись в том, что эта та самая кассета, за которую Самсон заплатил Матвееву тридцать тысяч долларов, Романов выключил видеомагнитофон. Улегся на диван и принялся думать о том, как продать ее.

В голову ничего не приходило.

Помучившись с полчаса и не придя ни к какому решению, он встал с дивана. Взял с книжной полки апрельский номер журнала «Родная речь», открыл его на двадцать третьей странице и прочитал вслух:

«Матвеев серьезно задумался. И чем больше он думал над тем, как ему продать эту пленку и при этом не попасться, тем явственнее представлял себе план будущих действий.

Он взял лист бумаги и написал:

„Петракову Сергею Захаровичу – Самсону.

Если Вас интересует видеокассета, на которой снят эпизод ограбления „Фольксваген Пассат“ неким хорошо Вам известным лицом, прошу упаковать тридцать тысяч долларов в плотный полиэтиленовый пакет и утром второго мая на железнодорожном вокзале отдать его крайней в ряду торговке семечками для дальнейшей переадресовки мальчику в красной бейсболке. После получения мною денег обязуюсь доставить интересующую Вас видеокассету.

Аноним.

Р. С. В случае если Вы станете следить за мальчиком, не буду считать себя обязанным выполнять данное мной обещание“.

Матвеев вложил письмо в конверт, заклеил его и потом отправил его по уже известному адресу в ресторан „Вечерние огни“.

Прочитав отрывок из рассказа, Романов задумчиво почесал нос. Тяжело вздыхая, переписал слово в слово письмо Матвеева Самсону и позвонил в ресторан. Узнал адрес ресторана и как бы между прочим поинтересовался местом нахождения Сергея Захаровича. Девушка, взявшая трубку, вежливо сообщила, что Сергей Захарович в последнее время в ресторане бывает редко, и когда он появится здесь в следующий раз, ей неизвестно.

Поблагодарив, Романов быстро положил трубку на рычаг.

«Так, – задумался он, – и куда мне теперь, спрашивается, посылать письмо?»

И именно в этот момент в его голове мелькнула шальная мысль. Сначала она показалась ему нелепой, даже глупой, но чем больше он думал над ней, тем больше приходил к выводу, что никакого письма не надо, поскольку обмен, если он состоится, произойдет завтра, второго мая.

«Итак, поставим себя на место Самсона. Если он не такой дурак, как Малявин, то, прочитав рассказ, обязательно обратит внимание на то, что, во-первых, все описанные в журнале события, за исключением одного-единственного эпизода с передачей видеокассеты, происходили до второго мая, а во-вторых, эти события происходили на самом деле. Из чего можно сделать вывод о том, что кто-то, как в рассказе Петренко, завтра явится за тридцатью тысячами долларов к старушке, торгующей семечками на вокзале, и взамен оставит кассету. Я бы на месте Самсона такой возможностью пренебрегать не стал».

Романов встал из-за стола и в волнении прошелся по комнате.

«Чушь какая-то, – подумал он. – Эдак, пожалуй, каждый, кто читал рассказ, может явиться завтра за деньгами... Может, – согласился Романов сам с собой, – но только тот, кто в курсе того, что происходит. А тогда этот человек просто обязан понимать, что, несмотря на предупреждение Матвеева не следить за мальчиком, Самсон вряд ли оставит свои деньги без присмотра... В общем, чушь, не чушь, а попробовать стоит. Тем более что, если обмен не состоится, я абсолютно ничего не потеряю».

Романов скомкал письмо и направился в кладовку искать красную бейсболку.

2 мая

Площадь перед железнодорожным вокзалом была запружена транспортом. Автобусы высаживали толпы пассажиров и тут же, забирая скопившийся на остановке приезжий люд, отъезжали обратно. Прибывшие автомобили задумчиво кружили по краю площади, выискивая место для парковки, а не найдя его, останавливались в самых различных и чаще всего в самых неудобных местах, загораживая пешеходам и без того узкие проходы к зданию вокзала.

Всё вокруг двигалось, толкалось, крутилось, перемещалось с места на место с одной-единственной целью – выбраться из этого столпотворения.

И только на краю автобусной остановки, у билетных касс, среди людского круговорота, существовал маленький островок, внутри которого, если внимательно присмотреться, основательность и даже некоторая степенность выглядели естественнее, чем торопливость и всякого рода суета.

Здесь продавали семечки. То есть это сначала здесь продавали только семечки. А потом на картонных ящиках стали всё чаще появляться сигареты в пачках и штучно, картошка, овощи в сезон, орешки, соленья в банках, различный слесарный скарб и многое другое, что могло в любую минуту понадобиться человеку, на время оторванному от дома. Именно сюда, к крайней в ряду торговке семечками, неспешной походкой подошел паренек в красной бейсболке. Зачерпнув полную горсть семян, он посмотрел по сторонам, словно желая еще раз удостовериться в том, что попал куда надо, выплюнул себе под ноги шелуху и, не разжимая губ, лениво цедя слова, потребовал пакет.

Торговка – высокая дородная женщина лет пятидесяти – обиженно моргая, посмотрела на кулак, в котором парнишка зажал ее семечки, перевела взгляд на красную шапочку и снова на кулак.

– Ты что же это, стервец, делаешь, а? – негромко, с легким надрывом, спросила она. – Ты что себе позволяешь? Я что, для того их растила, собирала, калила, чтобы ты задарма трескал их?

От слова к слову повышая тон, торговка в конце предложения внезапно поперхнулась и сорвалась на крик:

– А ну, положи обратно!

Паренек вздрогнул. Заметив его испуг, торговка наклонилась чуть вперед и почти без замаха ударила ладонью по кулаку. Черными каплями семена подсолнечника брызнули по серому асфальту. Женщина в изумлении всплеснула руками и, повернувшись лицом к товаркам, запричитала:

– Это что же такое делается, а? Нет, вы только гляньте на него! Семечки рассыпал!

Товарки не оставили эпизод без внимания и дружным хором принялись осуждать подростка.

– Совсем обнаглели...

– Ни стыда, ни совести...

– Милицию позвать надо...

– Ручонки ему надо поотбивать, чтоб на чужое не зарился...

– И ходють, и ходють фулюганы...

– Нет, чтоб учиться...

– А я говорю, милицию надо...

– Вы это чего? – парнишка в красной бейсболке изумленным взглядом обвел женщин. –

Я всего-то горсточку взял попробовать.

– Ничего себе горсточку! – возмутилась соседка пострадавшей торговли. – Глянь, весь пол семечками усыпал, ступить некуда!

– Один возьмет, другой... Да разве ж на всех напасешься...

– А я говорю, милицию...

– Пусть лучше заплатит!

– Правильно! – поддержали торговли чье-то предложение. – Пусть платит!

– Да вы чего? – продолжал изумляться паренек. – Нужны мне ваши гнилые семечки! Я за своим пакетом сюда пришел.

При этих словах соседка крайней в ряду торговли решительно поднялась из-за своего ящика и, показав указательным пальцем на подростка в красной бейсболке, обратилась к пострадавшей:

– Не давай ему ничего, Клава! Пусть сперва заплотит за весь стакан.

– Верно! – поддержали ее остальные торговли. – Пусть плотит!

Клавдия растерянно посмотрела на подруг.

– Да вы чего, бабанышки? Пакет-то чужой!

– А ты все равно не давай! – напирала на нее соседка. – А отдашь, вот те крест, – она быстро перекрестилась, – обижусь. Ей-богу, обижусь и знаться с тобой перестану. Ты меня знаешь!

– Не отдавай, Клава, заставь его раскошелиться, – продолжали уговаривать ее товарки.

– Да я бы рада... – отвечала та, растерянно разводя руками.

Парнишка в красной бейсболке перевел взгляд с одной торговли на другую. Наконец не выдержал и, сплюнув с досады, достал монетку. Бросил ее на мешок с семечками и, повернувшись к Клавдии боком, подставил карман.

– Сыпь остаток!

Забрав пакет и обозвав теток рэкетиршами, он намеренно неторопливо прошелся мимо них. В конце длинного ряда остановился и демонстративно закурил.

В этот момент его окликнула стоявшая в стороне, почти у самого входа в билетные кассы, старушка, торгующая тыквенными семечками.

Паренек оглянулся. Убедившись в том, что зовут именно его, подошел поближе.

– Ты чаво ж это, милоч? – спросила его старушка.

– Чего чаво?

– Я говорю, посылочку-то чаво не берешь?

Повысив голос, она, подслеповато шуря глаза, недоверчиво уставилась на бейсболку.

– Вроде, сказывали, мальцу в красной шапчонке отдать. Аль не тебе?

Подросток опешил. Первым его желанием было отказаться от пакета. Однако, подумав, он пришел к мысли о том, что, скорее всего, чего-то не понял из объяснений мужика, заплатившего ему за доставку пакета, и потому решил не торопиться.

Пожав плечами, он равнодушно произнес:

– Если полиэтиленовый, вроде книжки, значит, мне.

– Палитеновой, палитеновой, – радостно закивала старушка.

Она засунула руку в корзинку и вытащила оттуда плотно запакованный сверток.

– А ты не обманывашь? – перед тем как отдать его, еще раз подозрительно посмотрела на паренька.

Паренек ответил, что лучше б ему провалиться, чем солгать.

– Ну, коли не врешь, бери.

Забрав пакет, паренек попрощался со старушкой и неспешно направился дальше.

Перейдя остановку, не оглядываясь, он зашел в здание вокзала. Прошел как ни в чем не бывало мимо ручной камеры хранения, постоял в задумчивости перед информационным табло, посмотрел на часы, ахнул и, выбежав на перрон, заскочил в отправляющуюся с первого пути пригородную электричку.

Через минуту электричка тронулась. Паренек, вытирая пот со лба, прошел вглубь вагона и встал в проходе напротив окна. Дождавшись, когда бараки и ветхие домишки, расположенные вдоль пути и являющиеся неременной частью российских железнодорожных станций, скроются из вида, протиснулся вплотную к окну. И в тот момент, когда электричка пересекала автомобильную дорогу, выбросил оба пакета в открытую фрамугу. Окинул высокомерным взглядом пассажиров, недоуменно наблюдающих за его действиями, и, небрежно отряхнув руки, полез в карман за семечками.

Нервно постукивая кончиками пальцев по ободу руля, Романов сидел в своем автомобиле у железнодорожного переезда и ждал электричку. В нетерпении поглядывая на часы и еще раз просчитывая все возможные варианты, он внезапно поймал себя на мысли о том, что уже не хочет, чтобы его план удался. Вся эта затея с деньгами Самсона показалась ему такой глупой, а самое главное, настолько непредсказуемой, что ощущение надвигающейся опасности с новой силой охватило его.

«Что я делаю? – подумал он. – Я, поэт, рискуя жизнью, сижу, как какой-то авантюрист, в засаде и надеюсь выщарапать деньги у тех, кто за тридцать тысяч долларов сотрет в порошок с десяток таких, как я. Зачем мне это?» – Удрученно покачав головой, Романов понял, что боится. Боится всего: Самсона, Мусы, Головина, преследующего его после смерти, боится выйти из машины для того, чтобы поднять выпавшие из промчавшейся мимо электрички пакеты, боится того, что последует за этим, и того, что последствия окажутся совсем не такими, какими он их представляет.

«Ну зачем мне это?» – снова подумал он.

Вдруг Романов увидел, как дежурный по переезду, давно не бритый и, кажется, не совсем трезвый мужичок лет шестидесяти, сидя на высоком крыльце будки, встал на ноги и, закрывая ладонью от солнца глаза, принялся с живым интересом разглядывать валяющиеся рядом с шлагбаумом пакеты. Затем он опустил ладонь, жуликовато посмотрел по сторонам, развернулся и, быстро переставляя ноги, стал спускаться по крутым ступенькам лестницы вниз.

«Ну вот, – подумал Романов. – Не хватало в довершение всего еще и деньги потерять».

Он решительно вышел из автомобиля. Стараясь не смотреть на мужичка, первым подобрал пакеты, вернулся в машину и завел двигатель.

Отъехав от железнодорожного переезда несколько сот метров, остановился. Несмотря на страх, не покидающий ни на минуту, ему не терпелось узнать: откуда взялся второй пакет, а главное, действительно ли Самсон согласился на условия Матвеева и заплатил требуемую сумму?

Он положил на колени один из двух свертков и осторожно развернул. Увидев внутри три пачки столларовых купюр, задумчиво провел ладонью по волосам и медленно вышел из машины.

В детстве, зачитываясь интересной книгой, он наравне с ее главными героями по-настоящему переживал все беды и радости, выпавшие на их долю. И потому приключения Сорвиголовой, Дика Сэнда, д'Артаньяна, Монте-Кристо, Сани Григорьева уже давно превратились в его личные приключения, а их книжные судьбы – в частичку его детства. Но никогда, даже в самом фантастическом сне, ему не могло привидеться то, что когда-нибудь он окажется в шкуре выдуманного им персонажа и, подобно персонажу, решит обогатиться за счет мафии.

«Для полной достоверности, – усмехнулся Романов, – не хватает, чтобы я, подобно Матвееву, осыпал долларами девочку с карими глазами».

Нервно рассмеявшись, он вытянул руку и, разворачиваясь на триста шестьдесят градусов, показал кукиш каждой из четырех сторон света.

– Вот вам! Вот вам! Вот вам! Вот вам! Видали? – крикнул он. – Не дождетесь! И девочка ваша вовсе не кареглазая, и я не такой дурак! И вообще, пошли вы все... – яростно вращая зрачками, он выбросил кулак в воздух и, готовый броситься на любого, кто в этот момент посмел бы возразить ему, огляделся по сторонам.

А секундой позже Романову неожиданно вспомнилась сценка из одного современного спектакля театра марионеток, куда он не так давно водил сына. В середине спектакля одна из кукол по имени Пьеро взбунтовалась. Оборвав на полуслове веселую песенку про грустного козленочка, она горько заплакала и, протянув руки к залу, обратилась к публике с просьбой дать ей свободу. По словам куклы, она больше не силах выносить гнет злого Карабаса-Барабаса, дергающего за веревочки, когда ему вздумается, терпеть унижения и вообще делать то, что ей, артистической натуре, делать противно.

Сердобольная публика, состоящая в основном из детей, горячо откликнулась на призыв бедной марионетки и потребовала немедленно отпустить ее.

Воодушевленный заступничеством зрителей, Пьеро тут же засучил рукава. Схватился за тоненькие веревочки, связывающие его с Карабасом-Барабасом, и принялся рвать их. Через минуту с веревочками было покончено. Пьеро гоголем прошелся по сцене, а в конце отделения, на радость детям, допел веселую песенку про грустного козленочка до конца.

После завершения представления сын долгое время молчал, а потом заговорил о Карабасе-Барабасе.

– Почему, – спросил он, – Карабас-Барабас позволил Пьеро порвать веревочки? И почему Пьеро, после того как оборвал их, не упал?

Сын долго мучился над этими вопросами, а затем выдвинул версию, по которой Карабас-Барабас, дав мнимую свободу Пьеро, просто посмеялся над всеми, поскольку знал, что марионетка, кроме веревочек, была привязана другими, более крепкими и менее заметными нитями.

– Ему, наверное, – добавил сын, – доставляет удовольствие наблюдать за тем, как ведут себя опутанные веревочками куклы, когда считают себя свободными.

«Вот-вот, – подумал Романов, вспоминая эту сценку из детского спектакля. – Я тоже строю планы, плачусь, насвистываю песенку про козленочка, а в это время, возможно, какой-нибудь Карабас-Барабас сидит надо мной и дергает за веревочки, управляя моими действиями. Раз – вверх. Раз – вниз. „А теперь, – скажет, – Васенька, покажи-ка нам фигу и пошли-ка всех куда подальше!“ А сам в это время: раз – вверх, раз – вниз. И Васенька давай стараться посылать всех матом и показывать фигуры из трех пальцев. Раз – вверх, раз – вниз...»

Усмехнувшись собственным фантазиям, Романов медленно сел в машину. Опустил боковое стекло, высунулся из салона и, подняв голову, приложил правую ладонь к виску.

– Разрешите вскрыть второй пакет, товарищ Барабас? – крикнул он в небо. – Слушаюсь, товарищ Барабас! Приступаю, товарищ Барабас!

Вскрыв пакет, Романов обнаружил тридцать тысяч долларов и записку Тяжа с указанием адреса, по которому следовало отправить видеокассету.

«Ну, правильно! – несколько разочарованно, оттого что не догадался раньше, подумал Романов. – Малявин же говорил, что Тяж не меньше Самсона заинтересован в получении пленки с записью ограбления курьера».

Романов включил первую передачу и медленно тронулся с места.

«Какие все честные! – подумал он, поглядывая одним глазом на развороченные пакеты. – Таких даже обманывать жалко!»

Он включил вторую передачу, третью, а после четвертой решил снять копию с пленки и выдать кассету каждому, кто, выполнив условия Александра Матвеева, заплатил требуемую сумму.

Оставив машину во дворе, Романов пешком поднялся к себе на четвертый этаж. Открыл дверь и, не разуваясь, направился в зал к видеомагнитофону.

Не успел он сделать и двух шагов, как получил удар сзади по голове.

Выронив из рук пакеты, Романов упал на пол и потерял сознание.

* * *

Без умолку звонил телефон. Сначала, сквозь забытье, Романову какое-то время казалось, будто звонок доносится откуда-то издалека, от соседей, однако, по мере того как звук становился назойливей, решил, что это звонит будильник, и открыл глаза.

Сознание медленно возвращалось к нему. Он разглядывал трещинки на потолке и, медленно ворочая мыслями, размышлял на тему событий последних дней. О том, что всё вышло совсем не так, как он предполагал, что пакеты с деньгами, судя по всему, уже исчезли, и что если ему суждено подняться с пола, то только для того, чтобы выброситься из окна.

А телефон тем временем не умолкал ни на минуту.

Романов приподнялся на руки. Осторожно встал и, слегка пошатываясь, подошел к аппарату.

– Слушаю, – прошептал в трубку.

– Здравствуй, Василий! – как будто из глухого колодца донесся еле слышный мужской голос. – Это с тобой Муса говорит. Узнал?

Посмотрев в окно, Романов тяжело вздохнул.

– Да.

– Как твои дела? Как здоровье?

– Хорошо.

– Это хорошо, что хорошо! – засмеялся Муса. – Ты деньги нашел?

– Нет.

– Почему?

– Потому что не нашел.

– А ты помнишь, Василий, какое сегодня число?

– Помню.

– Помнишь, – удовлетворенно произнес Муса. – Это хорошо, что ты такой внимательный. Очень хорошо! Значит, ты должен помнить и о том, что я обещал включать счетчик. Верно?

– Да, – ответил Романов.

Муса зло засмеялся:

– Вот что мне в тебе нравится, Василий, это то, что ты со всем соглашаешься. Молодец.

В разговоре возникла небольшая пауза. У Романова внезапно разболелась голова, и он, положив ладонь на то место, куда пришелся удар, с нетерпением принялся ждать, когда Мусе надоест его мучить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.